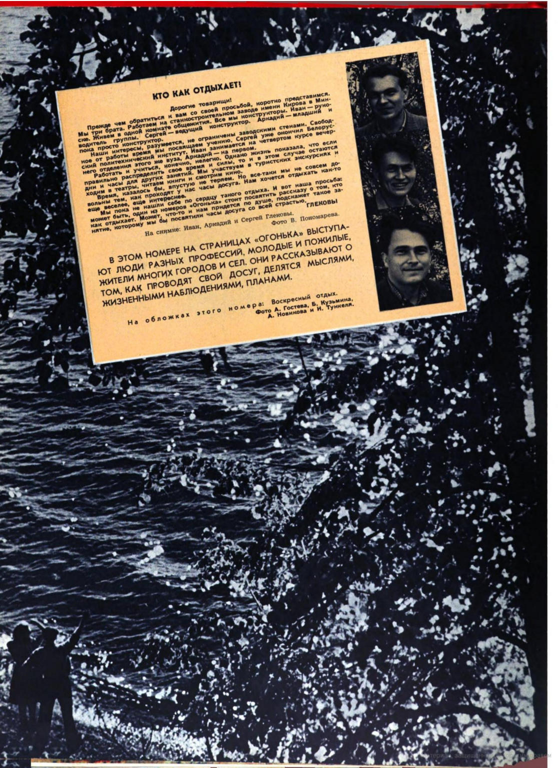

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КТО КАК ОТДЫХАЕТ!

Дорогие товарищи!

Прежде чем обратиться к вам со своей просьбой, коротко представимся. Мы три брата. Работаем на станкостроительном заводе имени Кирова в Минске. Живем в одной комнате общежития. Все мы конструкторы. Иван — руководитель группы. Сергей — ведущий конструктор. Аркадий — младший и пока просто конструктор.

Наши интересы, разумеется, не ограничены заводскими стенами. Свободное от работы время мы посвящаем учению. Сергей уже окончил Белорусский политехнический институт. Иван занимается на четвертом курсе вечернего отделения этого же вуза, Аркадий — на первом.

Работать и учиться, конечно, нелегко. Однако жизнь показала, что если правильно распределить свое время и силы, то и в этом случае остаются дни и часы для других занятий. Мы участвуем в туристских экскурсиях и ходим в театры, читаем книги и смотрим кино.

Время, казалось бы, впустую у нас часы досуга. Не теряем. Но все-таки мы не совсем довольны тем, как проходят у нас часы досуга. Нам хочется отдыхать как-то еще веселее, еще интереснее.

Мы пока не нашли себе по сердцу такого отдыха. И вот наша просьба: может быть, один из номеров «Огонька» стоит посвятить рассказу о том, кто как отдыхает. Может, что-то и нам придется по душе, подскажет такое занятие, которому мы бы посвятили часы досуга со всей страстью.

ГЛЕКОВЫ

На снимке: Иван, Аркадий и Сергей Глековы.

Фото В. Пономарева.

В ЭТОМ НОМЕРЕ НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА» ВЫСТУПАЮТ ЛЮДИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ, МОЛОДЫЕ И ПОЖИЛЫЕ, ЖИТЕЛИ МНОГИХ ГОРОДОВ И СЕЛ. ОНИ РАССКАЗЫВАЮТ О ТОМ, КАК ПРОВОДЯТ СВОЙ ДОСУГ, ДЕЛЯТСЯ МЫСЛЯМИ, ЖИЗНЕННЫМИ НАБЛЮДЕНИЯМИ, ПЛАНАМИ.

На обложках этого номера: Воскресный отдых.

Фото А. Гостева, Б. Кузьмина, А. Новикова и И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 26 (1671)

21 ИЮНЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Москве 16 июня в торжественной обстановке открылась Выставка достижений народного хозяйства СССР — ВДНХ.

На митинге, посвященном открытию выставки, с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

На выставку прибыли руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

На снимке внизу: митинг на площади Дружбы народов, перед Главным павильоном. Здесь собрались представители Москвы и Московской области, посланцы республик СССР, передовики промышленности и сельского хозяйства.

Фото Б. Кузьмина и В. Тарасевича.

Открылась Выставка достижений народного хозяйства СССР

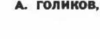
ПЕРЕД НАРОДОМ ЕГО ТВОРЕНИЕ

В павильоне «Кукуруза».

←
Гости выставки. В этой небольшой группе и рабочие, и колхозники, и ученые — знатные советские люди.

Фото Б. Кузьмина и В. Тарасевича.

А. ГОЛИКОВ, Я. ЯКОВЛЕВ

Здесь, на Выставке достижений народного хозяйства СССР, можно увидеть много звезд — звезд Героев Социалистического Труда и Героев Советского Союза.

Кто знатен в нашей стране? Вот бригадир бригады коммунистического труда арматурщик с Кременчугской ГЭС Михаил Карпов, а рядом с ним — чабан колхоза «Первое мая» с Николаевщины Михаил Теодор. Мы знакомимся с девушкой из колхоза имени Кирова на Волыни Лидией Литковец, механиком тракторной бригады колхоза имени XX партсъезда из-под Сталинабада Курбаном Ишевым и сталеваром завода «Днепроспецсталь» Михаилом Бойко.

Знатные люди Советской страны, чей вдохновенный труд отражен в экспонатах выставки!

Мы идем по аллеям сказочного города. Вместе с Иваном Афанасьевичем Костроминым, Героем Социалистического Труда, электропильщиком из Бурятии, входим в павильон Российской Федерации.

По гранитным ступеням Костромин поднимается в просторный зал, где на стене высечен величественный барельеф Владимира Ильича Ленина.

Внимательно слушает Иван Афанасьевич рассказ экскурсовода о богатых ресурсах Ангаро-Енисейского энергопромышленного района. Вот огромное панно с бескрайними сибирскими далями, линиями высоковольтных передач, могучими, полноводными реками, перегороженными плотинами, трубами заводов, фабрик.

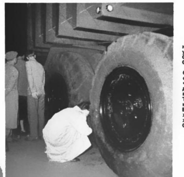
Таким станет далекий таежный край, преображенный волей и гением народа!

— Как быстро меняется жизнь, — задумчиво говорит Костромин. — Вот хоть у нас, в Бурятии, — обращается он к соседу, невысокому, плечистому мужчине с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда на груди. — Вы откуда, товарищ?

— Из Ленинграда. Петров Иван Петрович, строитель.

— Вы-то из большого города. Вам не так заметно. А я издалека, из бурятского леспромхоза. Двадцать лет в лесу работаю. Давно ли, кажется, деревья ручной пилой валил и на лошади лес вывозили? А теперь все у нас механизировано.

— Небось, много деревьев сва-

— Озаренная вечерними огнями, ваша выставка выглядит особенно ярко и живописно. Я решил заснять ее на цветную пленку.
Это сказал американский ученый Вильям Халстед.

лили за свою жизнь? — улыбается Иван Петрович.

— Несколько сот тысяч кубометров будет. Может, и мой лес у вас на стройках...

Костромин и Петров идут по залам павильона. Вот она, новая, совершенная техника, которая пришла во все уголки Российской Федерации! Гости останавливаются у стендов Кабардино-Балкарской Автономной Республики.

Два молодых инженера — Геннадий Морозов и Яков Пивоваров — стоят возле компактного прибора с застекленной шкалой и кнопками управления. На медной дощечке выгравирована надпись: «Электроакустический уравномер «ЭАУ-Н44».

— Что это за прибор? — спрашивает Иван Петрович.

— Можем вам рассказать. Мы конструкторы, авторы этого прибора.

— Значит, участники выставки?

— Да. Наш прибор служит для измерения объема агрессивных жидкостей — кислот, щелочей. Он создан на основе новейшей техники — электроники...

— И такие приборы делаются в Кабардино-Балкарии?

— Конечно.

В эти дни знакомства завязываются во всех павильонах.

Вот павильон Украинской ССР. Во всю стену раскинулась огромная экономическая карта республики. Ее изготовили из пластических материалов и дерева предприятия Днепропетровского совнархоза.

Когда диктор рассказывает о природных богатствах страны, на карте вспыхивают разноцветные значки. Велики и неисчерпаемы богатства украинской земли: уголь, нефть, руда, газ...

Долго стоит у карты молодая украинская девушка Мария Лозинская. Она со Станиславщины.

— Вот смотрю я на карту родной Украины, — говорит девушка, — и мне представляется наша далекая деревня Набережная, где всего только семьдесят дворов... А как изменилась у нас жизнь! Построены новые дома, клуб...

Переходим в павильон «Радиоэлектроника». Большой интерес у посетителей вызывает цветное телевидение. Просмотровый зал переполнен. Вот вспыхивает экран. В ярких зеленых, красных и желтых костюмах выступают плясуны хора имени Пятницкого.

— Хорошо! — раздается чей-то голос.

Это говорит Курбан Ишев, бригадир-механик тракторной бригады из-под Сталинабада.

— Удивительного ничего нет, — продолжает он как бы про себя. — Техника! И у нас в колхозе получили новые тракторы, для гнездовой посадки хлопка. Хорошие тракторы, очень хорошие! Ничего удивительного нет, что скоро и у нас в кишлаке цветное телевидение будет

Невозможно пройти мимо...

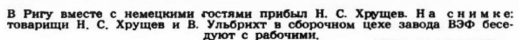
Столько здесь волшебно-прекрасного, что невозможно пройти мимо... Надо снова и снова возвращаться сюда, чтобы в полной мере представить себе размах жизни, которую отражают тысячи экспонатов.

Допоздна не затихает выставка. Из павильона в павильон идут рабочие и инженеры, колхозники и ученые, пионеры и дипломаты, журналисты и артисты... И всюду слышишь возгласы восхищения.

Город чудес принимает гостей!

В Ригу вместе с немецкими гостями прибыл Н. С. Хрущев. На снимке: товарищи Н. С. Хрущев и В. Ульбрихт в сборочном цехе завода ВЭФ беседуют с рабочими.

Фото А. Батанова.

Немецкие гости в Киеве.

Фото Н. Козловского.

НАША ДРУЖБА—НА СТРАЖЕ МИРА

Настоящая дружба — это всегда открытые сердца, распахнутые двери. Мы привыкли встречаться с нашими друзьями не только за столами правительственных переговоров, когда руководители Советского Союза и стран социалистического лагеря размечают прекрасные маршруты нашего общего будущего.

Мы показываем друзьям наши успехи, весь народ беседует с ними.

Так было и на этот раз, когда в Советском Союзе гостила партийно-правительственная делегация Германской Демократической Республики.

Дорогие гости — Первый секретарь Центрального Комитета СЕПГ В. Ульбрихт, Председатель Совета Министров ГДР О. Гротеволь и другие члены делегации — побывали в Москве, Латвии, на Украине, в Горьком.

Всюду: на рижском заводе ВЭФ, на Горьковском автозаводе, в Институте физики Академии наук Украинской ССР, в колхозе «Дружба» возле Киева — советские люди, горячо приветствуя посланцев дружеской страны, делились с ними своими опытом, думами, планами на будущее.

Советского колхозника и немецкого рабочего одинаково волнуют вопросы мира на земле. Потому такой живой отклик вызывали слова советских и немецких руководителей о необходимости заключения мирного договора с Германией, о превращении Западного Берлина в демилитаризованный вольный город, потому так приветствовали жители Латвии призыв превратить Балтийское море в море мира.

Покорись, Ангара!

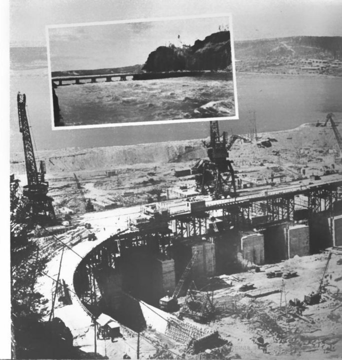
Ангара бурлит на Падунском пороге, клокочет бурунами и, скатившись по каменным перекатам, вспенивается белогривыми волнами. Тут, у Падуна, широко раскинулась строительная площадка величайшей в мире Братской гидроэлектростанции. Люди сжали почти километровое русло реки до стодесятиметровой протоки. В этот узкий коридор, называемый прораном, каждую секунду врывается около четырех тысяч кубометров воды.

Сегодня здесь идет решающий штурм. В дни работы июньского Пленума ЦК КПСС завершится перекрытие Ангары. Гидростроители готовят огромную чашу правобережного котлована под затопление.

Река перекрывается не с понтонного, а с металлического моста. Сущность этого метода в том, что русло реки сначала сужается путем так называемой пионерной отсыпки каменного банкета, а затем перекрывается проран: камень сбрасывается с моста по всему его фронту.

Все ближе то время, когда гидроузел на Падуне станет сердцем мощного Братско-Тайшетского промышленного комплекса.

Л. ДАНИЛЕНКО,
В. НИКОЛЬСКИЙ

На строительстве Братской ГЭС. Вверху — мост над прораном.

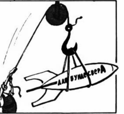
Фото А. Гостева.

Разговор с отшельником

Как в Бонне смотрят на германский вопрос.

Рисунок М. Абрамова.

У ТЕЛЕФОНА ФОН БРЕНТАНО

Раньше отшельникам жилось неважно: жилплощадь никуда, поговорить не с кем, харч скудный, не очень-то и выпьешь.

Теперь дело обстоит значительно проще, без этих мучительных средневековых условностей.

Наиболее известный в наше время отшельник обитает в великолепной загородной вилле под Женевой в окружении многочисленных секретарей, референтов, поваров, лакеев. Питается он далеко не сухими кузнечиками и жажду утоляет тоже не росой с диких цветов.

И все же нынешний отшельник так же далек от мира, от живых людей, как и его предшественники в старину, хотя ему достаточно протянуть руку к ночному столику, чтобы связаться по телефону с любым городом мира.

По телефону... А ведь это мысль!

Будущим историкам трудно будет отразить роль, которую играл министр иностранных дел Федеративной Республики Германии на Женевском совещании. Движимые мыслью помочь в этом смысле ученым, мы и решили позвонить в Женеву и попытаться связаться с господином фон Брентано... Нам хотелось задать ему самые обыкновенные вопросы: что он думает о новых советских предложениях? Как протекает его рабочий день? Не страдает ли он в гордом одиночестве?

Итак, мы заказываем из редакции Женеву, резиденцию министра иностранных дел ФРГ фон Брентано. Это было в пятницу, 12 июня сего года.

— Какой номер? — спрашивает телефонистка.

— Номера мы не знаем. Министр там где-то прячется. Одни пишут, что на вилле в местечке Пти-Вейрье, другие — что в отеле «Ренс» в Женеве.

Мы кладем трубку и ждем...

На столе лежит журнал «Нейе Берлинер Иллюстрирте», издающийся в ГДР.

В нем опубликован репортаж о том, как два журналиста из ГДР пытались взять интервью у фон Брентано.

Это интересно. Может быть, опыт репортеров из «НБИ» нам пригодится?

...Итак, два журналиста из демократической Германии попросили у Брентано разрешения проинтервьюировать его. Вполне естественная просьба, тем более, если она исходит от немцев, кровно заинтересованных в успехе Женевского совещания.

Пресс-атташе западногерманской делегации фон Хаазе любезно пошел навстречу и через два дня сообщил, что министр иностранных дел фон Брентано готов принять журналистов в 16 часов на своей вилле.

Без десяти четыре корреспонденты были у ворот в парк виллы, снятой Брентано в Пти-Вейрье.

...Мы посмотрели на часы. Прошло уже два часа, как мы заказали Женеву, но звонка не было. Видимо, не очень-то легко разыскать телефон Брентано. Ну, что ж, будем ждать дальше.

...Въехать в парк журналистам не разрешили. Пришлось несколько раз звонить в отель «Ренс», где помещается западногерманская делегация, и выяснять отношения. Наконец разрешение на въезд в парк было дано.

Два репортера застали Брентано беседующим с кем-то на веранде. Журналистов попросили обождать полчаса.

...На столе зазвонил телефон. Усталый, но довольный женский голос сообщил:

— Женевские телефонистки долго разыскивали телефон фон Брентано и, кажется, нашли. Запишите: 36-66-63. Скоро соединим вас, не отходите...

Мы продолжали ждать, как и те два репортера из «НБИ». Но наше ожидание оказалось более долгим.

...Через десять минут к представителям восточногерманского иллюстрированного журнала вышли двое джентльменов из департамента прессы МИД ФРГ и спросили... из какой они газеты.

Двое журналистов (в который уж раз!) терпеливо назвали себя и свой журнал.

— Тогда мы вынуждены вас просить...— извинились джентльмены из департамента прессы.— Мы не можем принимать журналистов из восточной зоны.

— Почему, собственно? — поинтересовались корреспонденты.

— В принципе не можем... Вы должны это понимать...

...Снова зазвонил телефон.

— Женева у телефона. Говорите! — сказала наша телефонистка, и затем мы услышали в трубке французскую речь.

— Хэлло, месье-е-е! Из резиденции спрашивают, кто говорит.

— Корреспондент журнала «Огонек».

Пауза.

— Что хочет месье-е-е?

— Мы хотели бы задать несколько вопросов господину фон Брентано.

Пауза.

— В резиденции говорят, что господина Брентано сейчас нет, он поехал к послу Дуквицу.

— Можно ли позвонить туда?

Пауза.

— Сейчас я вас соединю, месье-е-е!

Проходит несколько минут.

— Моску! Моску! Месье-е-е!

Приветливый и нежный голосок женевской телефонистки прерывается решительным басом:

— Алло, слушаю! Кто у аппарата?

Мы представляемся, затем спрашиваем, с кем имеем честь разговаривать.

— Референт посла Дуквица. Что вам нужно?

От далекого голоса в трубке веет ефрейторской деловитостью.

— Можно говорить с господином Брентано?

— Его здесь нет, не было и не будет! Кто вам сказал?—отвечает голос.— Звоните по телефону 36-66-63!

— Именно по этому телефону и сказали.

— Странно... Больше я ничего не знаю.

— Спасибо, господин референт. До свидания!

— Пожалуйста. До свидания!

Итак, неудача. Мы решаем не звонить больше сегодня и повторить попытку завтра.

На другой день мы делаем заказ утром. Телефон 36-66-63. Мы рассчитываем на неожиданность: вдруг Брентано поднимет трубку!

На этот раз соединяют нас довольно быстро.

— Месье-е-е! Говорите, пожалуйста,— слышится, как всегда, приветливый голосок.

После некоторой паузы неторопливо и полувопросительно звучит мужской голос:

— Да-а?

— Кто у телефона? — задаем мы вопрос.

— Брентано,— слышится ответ.

— Брентано?

— Да. Брентано. Я слушаю вас.

Откровенно говоря, мы не ожидали такой удачи.

— Кто говорит? — с явной заинтересованностью вопрошает министр.

Мы медленно и раздельно представляемся: журнал «Огонек», Москва. Наступает долгая, томительная пауза. Затем министр иностранных дел несколько растерянно просит снова повторить, кто с ним говорит. Повторяем. Опять пауза. Мы ясно представляем себе, как в эту минуту господин Брентано молниеносно взвешивает все «за» и «против», продумывает на десять ходов вперед наши возможные вопросы и свои возможные ответы.

Пауза затягивается. Затем неожиданно слышится любезный голос женевской телефонистки:

— Месье-е-е! Месье Брентанò нет по этому телефону.

— Но, позвольте, мы только что говорили с месье Брентанò! Он отвечал нам!

— Один момент, месье-е-е, я узнаю!

Пауза.

— Мне говорят, месье-е-е, что месье Брентанò нет в резиденции. Он уехал и будет не скоро.

— Как же это понять?

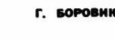
— Не знаю, месье-е-е! — участливо отзывается голосок.

Итак, отшельник не пожелал говорить с корреспондентами и не очень изобретательно сбежал.

...Под руками лежит западногерманский журнал «Мюнхнер иллюстрирте». Там большой портрет министра иностранных дел ГДР Лотара Больца, приветливо и открыто идущего вперед. И приведены его слова: «Мы всегда готовы разговаривать с Брентано. Мы знаем, что он не может нас терпеть. И мы его не можем терпеть. Тем не менее вести переговоры надо. Кто не хочет переговоров, тот хочет стрелять».

А рядом портрет одинокого Брентано, растерянно разводящего руками, и его невразумительные слова: «Я не знаю Больца. Хочу ли я его видеть? Не знаю. Может быть, случайно это произойдет. Тогда я не смогу этому помешать. Но искать его я не буду...»

Мы понимаем, что наш телефонный разговор вряд ли даст какие-либо новые материалы будущим историкам. Но мы уверены, что такие и не понадобятся. История просто сбросит со счетов женевского отшельника, как глупый анекдот из дипломатической практики.

Г. БОРОВИК

ЛЕНИНГРАД

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Т. БОРОВИН, Б. КУЗЬМИН,
А. НОВИКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Когда мы отправлялись в Ленинград, еще в куп возник жаркий спор: какой отдых лучше — активный или пассивный, на воде или в лесу, в компании или одиночку? Не знаем, к чему привели бы эти разногласия, если бы во втором часу ночи в дверях не появились усы проводника, из-под которых раздалос укоризненное: «Товарищи, нельзя же! Вы людям отдыхать мешаете». И, посмотрев на строгое лиц железнодорожника, мы почему-то сразу поняли, что отдых должен быть каким угодно, только не засушенным скучными «разработками», которые, выражаясь

словами проводника, «мешают людям отдыхать». И мы решили не создавать теоретического руководства по этому вопросу, а просто показать, как развлекаются ленинградцы после работы.

...Итак, кончился рабочий день. Наступает летний ленинградский вечер с долгим неярким закатом на заливе, с длинными холодными тенями на Невском. В эти часы, между гудком на заводе и первым звонком в театре, женщины с молчаливой покорностью отдают себя во власть непостижимой парикмахерской техники. Они же наполняют зал Дворца культуры, где проходит фестиваль мод. Когда проблемы наряда и прически решены, встает неотвратимый вопрос: как провести вечер?

Если бросить взгляд только на ленинградские афиши, уже станет ясно, что решить вопрос и легко и трудно: слишком много соблазнов. Можно пойти в театр, в филармонию, поехать кататься по Неве, погулять по набережной, слушая хорошую музыку в исполнении хорошего оркестра, можно пойти в свой клуб, на стадион, в кино, в музей... (Хотя нет, в музеи после работы не пойдешь: вечером они почему-то закрыты.) Одних парков в Ленинграде пятьдесят два, можно выбирать! Говорят, на каждого ленинградца приходится 12,5 квадратного метра зеленых насаждений. Немало! Только вот развлечений на этой площади маловато. Особенно аттракционов. Карусели, мертвая петля, доисторическое колесо-обозрение, комната смеха и еще какая-то штука, приспособленная к тому, чтобы несколько секунд подержать посетителя парка вниз головой, а потом снова вернуть в нормальное положение. И все... Правда, есть в Ленинграде специальная контора, занимающаяся придумыванием новых аттракционов. Но в парках результатов ее труда пока не видно.

Артисты-любители, среди которых есть и токарь, и инженер-химик, и лаборант, и школьница, с удовольствием проводят вечер у старейшего ленинградского актера Александра Авельевича Мгеброва. Здесь даже создалась небольшая любительская труппа. Поставили сцены из «Фауста» Гете, да так поставили, что заинтересовались и профессиональные актеры.

Ну, а театралы отправляются в театр. Как видите, меланхоличное настроение продавца билетов на Невском вовсе не означает, что спектакль будет скучным.

Северное солнце — скупое солнце. Но энтузиастов загара на берегах Невы ничуть не меньше, чем на черноморских. Поезжайте в солнечный день на пляж около Петропавловской крепости, и вы убедитесь, что ленинградцы нашли выход из положения. Смотрите, как стоически преодолевают они трудности своего северного климата.

До чего мил сердцу доминошника пулеметный стук костей! Какая гамма переживаний скрыта для него в скупых словах: «Проехал!», «Засох!», «Крыша!» Хороша после работы партия в «козла» с добрыми приятелями!

А Клавдия Степановна придерживается иного мнения: хорошая книга и удобная садовая скамейка — вот настоящий отдых!

— Что это? — спросит читатель.— Почему такой хвост за машиной?

Все объясняется очень просто. Ленинградцы хотят смотреть кино на улицах. А как иначе выйдешь из положения, если темнеет часов в одиннадцать вечера, а то и вовсе ночь не наступает?

Рыбаки повсюду одинаково молчаливы, сосредоточены и полны собственного достоинства.

Вечером над Невой несется романтическое: «Лево руля! Стаксель убра-ать! Трави гро-от!» Эти лихие пиратские крики срываются с уст яхтсменов.

Разлив... Сколько мыслей и чувств будит этот кусочек земли, где стоял когда-то шалаш Ильича... Нет дня, чтобы сюда не приезжали ленинградцы.

Каждый квадратный метр зеленой площади в парке используется на сто процентов.

А хороший собеседник — разве это не отдых!

В субботу старые и молодые ленинградцы кладут в рюкзак зубную щетку, теплое одеяло, палатку, берут алюминиевую раскладушку, удочки, ружье, складной брезентовый стульчик, гитару, волейбольный мяч, надевают легкие кеды или тяжелые резиновые ботфорты, запасаются суточной нормой бутербродов—и за город! В дальние и ближние места. Можно и на электричке и на автобусе, можно и на легковой автомашине, и на мотоцикле, и на велосипеде с моторчиком, можно и без моторчика, можно просто так, пешком. По паркетным ленинградским мостовым в такие вечера движутся люди в болотных сапогах, торжественно, как на военном параде, проходят целые соединения рыбаков со спиннингами на плечах. Город принимает походный вид. Вокзалы и шоссе впитывают многие тысячи людей. И это, конечно, самый популярный отдых в Ленинграде.

А в воскресные вечера те же тысячи загорелых, по-хорошему усталых людей снова вливаются в город. И не узнать тогда троллейбусов, трамваев, вагонов метро. По подземным и надземным дорогам движутся оранжереи. И всю ночь до утра улицы будут хранить запах негородских цветов, холодной ключевой воды, прозрачного лесного озера, дыма от костра — всего того, из чего складывается здоровье, хорошее настроение и желание работать.

Николай ТИХОНОВ

Рассказы о себе

МИР ЧУДЕС

Рисунки А. КОКОРИНА.

Свежее утро ясной ранней осени, утро моего детства. Я маленький, серьезный, румяный, ничем не примечательный школьник. Ранец за спиной, черный клеенчатый дождевик на сутулых плечах. На голове фуражка с зеленым кантом и гербом торговой школы — знаком Меркурия, бога торговли. Этой фуражкой я очень гордился.

Мы жили в то лето на даче на Сердобольской улице, около Лесного. Теперь странно слышать ленинградцу, что люди считали дачей один из нынешних городских районов, так же странно, как слышать сегодняшним москвичам, что когда-то ездили на дачу на Ленинские горы. Но ведь ездили, было такое время!

Я не помню, почему мы задержались на даче в том году до осени, и мне каждый день приходилось добираться до своего училища несколько необычным способом.

Сначала я быстро шагал, одолевая грязь и лужи переулков, до пристани на Большой Невке, спеша, чтобы не опоздать к пароходу, потом плыл по Большой Невке до Невы, по Неве — до Летнего сада, там пересаживался на совсем маленький пароходик, казавшийся младшим братом того, на котором я пересекал широкую Неву. На этом утлом суденышке я доплывал по Фонтанке до Чернышева моста. Оттуда уже было недалеко до Торговой школы, в младшем классе которой я тогда учился.

В то холодное ясное утро все вокруг дышало красками ранней осени. Красные, зеленые, коричневые, лиловые, желтые листья плавали в зеркально-черной воде, устилали дорожки невских островов, носились в воздухе и мягко падали на влажную землю.

Темно-бурые трубы заводов отчетливо высились на чистом, голубом, бледном небе. Блестели серебряные стекла серых домов, из труб которых подымались густо-синие дымы. Черные и коричневые, пепельные и ржавые деревья аллей и парков плыли навстречу; все было такое знакомое, привычное, охваченное сентябрьской свежестью, от которой розовели щеки и становилось как-то легче дышать.

Хотелось глотнуть как можно больше сладкого, почти морозного воздуха, который пах жесткими антоновскими яблоками.

Я всегда сидел на пароходе на скамейке ближе к середине, стараясь не прижиматься к стенке, за которой рокотало, полязгивало и погромыхивало машинное отделение. Как-то раз я прислонился к этой зовущей отдохнуть стенке и задремал, укачанный ровным стуком машины и плавным движением кораблика, и мой клеенчатый дождевик так прилип к теплой стенке, что я, чуть не плача, с трудом отодрал его.

В это утро было так уютно плыть по большой воде по знакомому маршруту! Вода тихо журчала вдоль бортов. Теплом несло из машинного отделения, от сверкающего котла, а измазанные углем и копотью люди, возившиеся с ним, были, как хорошие знакомые, которых видишь каждый день, и они хорошо понимают твое настроение.

Пароход принадлежал так называемому Финляндскому обществу речного пароходства. Старый рулевой — пепельный финн с трубкой и в черной кожаной фуражке — был тоже знакомым с детства, и даже его команды, подаваемые голосом испытанного морского волка, хриплые и отрывистые, больше не смешили, а были привычны, и если бы он вдруг исчез, это был бы уже непорядок.

А командовал он вполне своеобразно. Вместо того, чтобы провозглашать: «Полный ход! Ход вперед! Ход назад! Стоп!» — он кричал в рупор: «Полный кот! Кот перед! Кот назад! Топ!»

— Кот перед!

И мы плыли по тяжелой, гладкой, масляной воде мимо спокойных берегов; у набережных и пристаней толпились серые барки, красночерные буксиры, разноцветные лодки, парусники и шаланды. Над ними стояли бесконечные городские строения, и жилые и нежилые.

Все эти давно знакомые очертания громадного города могли показаться скучными в своей будничной повторяемости, но я каждый раз находил новое в этом сборище кораблей и зданий. Кроме того, внутри меня просто клокотала радость. Она делала все возникавшее вокруг меня интересным, уютным, привлекательным.

Я повторял про себя с упоением: «Сегодня я иду в цирк! Я иду в цирк!» Это поверял я широкой реке, несшей наш пароход. «Я иду в цирк», — говорил я берегам, таким многоцветным и многолинейным. «Я иду в цирк», — готов я был сообщить всем пассажирам, зябко кутавшимся в свои платки, плащи и разношерстные одеяния.

Я очень любил с детства цирк! Его открыл мне и приучил к его заманчивому калейдоскопу красок, людей и животных мой большой друг, дядя Вася, страстный любитель циркового искусства.

У нас не всегда были деньги, чтобы ходить в нумерованные места, тем более в ложи. Мы скромно ходили на галерку. Там было жарко, тесно, шумно. Там зрители лузгали семечки, щелкали кедровые орешки, устраивали давку, но маленьких они обычно пропускали к самому барьеру, и оттуда было все видно, как с горки.

Скоро я понял, что мне трудно жить без цирка. Если я долго не был в цирке, я скучал по нем, как взрослый. Зато когда я, придя заранее, зажимал в кармане коробочку с монпансье и пакетик с леденцами, облокачивался на барьер и устремлял свой взгляд на арену, я находился в предчувствии необыкновенного.

И это необыкновенное приближалось. Я чувствовал его приближение. С первыми звуками цирковой музыки, с первым выходом униформистов во главе с церемониймейстером мы вступали в особый, торжественный, красочный, фантастический мир. Все здесь было необычным: и одежды людей, и запах арены, и то, что происходило перед нами.

Люди, которые выступали на арене, резко отличались от обыкновенных людей тем, что они делали что-то совершенно непохожее на то, что делают люди в обычной жизни.

Мне даже казалось непонятным, как эти люди цирка после всех показанных зрителям чудес возвращаются в обыкновенные дома, едят обычную еду, спят на постелях и утром завтракают, как все.

Но самое главное, что меня поражало в цирке, — это то, что здесь человек все умел. Он мог совершать необъяснимые на первый взгляд вещи. Он умел ездить сразу на двух лошадях, прыгать на полном скаку на землю и снова взлетать на спину мчащимся коням, заставлял слонов повязывать салфетки и садиться, как люди, за стол; мог смешить так, что вы навсегда запоминали его странное лицо, обсыпанное мукой, с красными кругами на щеках, с рыжим коком на голове; умел качаться под куполом, переносясь с трапеции на трапецию, как будто под ним не было зияющей пустоты; мог освобождаться от всех цепей и замков, которыми его опутывали и запирали; мог все, и даже такое, о чем вы не могли подумать, — скажем, дать прокатиться через себя автомобилю или согнуть рельс.

Человек выходил в ярком мундире, и тигры и львы рычали на него и хотели разорвать его в клочья, а вместо этого покорно садились на свои тумбы, ездили на велосипеде, ходили по доске, качались на качелях. Он клал им свою голову в громадную пасть, и под охи и ахи цирка их глаза светились зеленым огнем от злобы и недоумения. А укротитель вынимал голову из пасти, щелкал хлыстом и раскланивался на все стороны. И тут уже не звери, а цирк ревел от восторга.

Каждый вновь появлявшийся на сцене приносил с собой новое очарование, и это новое еще больше расширяло тот мир чудес, который так поразил мое юное воображение, что я по очереди мечтал стать то клоуном, то эквилибристом, то укротителем.

Я видел жонглеров, для которых, казалось, не существовали законы физики. Они могли играть палками и шкафами, бутылками и столами с одинаковой легкостью.

Я видел знаменитых фокусников, лошадей, которые складывали из букв слова, и собак, знавших таблицу умножения.

Неповторимый Дуров потряс меня, когда он заполнил арену животными и птицами, изображавшими враждебные армии. Сотни кур и петухов, гусей, собак, кошек, зайцев, уток, освещенные бенгальским огнем, стреляли из пушек, падали ранеными, шли на штурм крепости, стены которой взрывались пернатыми саперами и падали перед победителями.

Кудахтанье, гоготанье, кукареканье, мяуканье и лай были лучшей музыкой этого небывалого сражения. И это все делал Дуров, человек в переливчато-сверкающем костюме, с белым широким гофрированным воротником, с длинными рукавами, в восточных шальварах, чулках и черных туфлях с украшениями.

Этот мир чудес был неисчерпаем в своем многообразии. Я забывал про все, когда смотрел на арену. Я упивался зрелищем, забывал сосать леденцы и грызть монпансье. Я шел в антракте за кулисы и жадно вдыхал в себя резкий, острый запах конюшни и клеток, где отдыхали звери-актеры.

О том, что я снова увижу вечером цирк, я мечтал и плывя на пароходе, и по дороге в училище, и сидя на парте в классе.

На уроке географии я, конечно, не мог думать об Иранском нагорье и о том, чем известны города иранского юга. В эту минуту мне не было до них никакого дела. Я даже не мог сказать утвердительно, существуют ли они вообще. Я жил предвкушением вечера.

Поэтому я сообщил на уроке географии фантастические сведения о стране, называемой ныне Ираном. Но это не было воспринято как открытие в науке.

— Ты всегда знаешь то, чего нет в учебнике, и не знаешь того, что есть в учебнике, потому что ты думаешь, что ты знаешь все! — зло говорил мне инспектор училища Ширяев, преподававший у нас географию.

Длинное худое лицо его с козлиной бородкой сморщилось при этом, как будто кто его обидел. Он знал мою страсть к географии и, когда я попадал впросак, считал, что это от моей высшей самонадеянности и мальчишеского упрямства и заносчивости.

— О чем ты, в самом деле, думаешь? — язвительно спрашивал он.

Не мог же я ответить, что я думаю о цирке и что сегодня для меня нет Персии, а есть мир чудес и я жажду его видеть!

А в большую перемену мы всем классом торжественно хоронили таракана, большого черного таракана. В партах постоянно оставались крошки от приносимых школьниками булок. И в одной из парт поселился большой блестящий, точно закованный в самурайские чёрные латы, таракан. Иные школьники находили, что он похож на нашего учителя каллиграфии. Таракан стал ходить по рукам. В каждой парте он был желанным гостем. Из-за него даже ссорились между собой. Таракана так раскормили, что он от обжорства помер, как объяснил его конец один классный философ.

Так как он долгое время был любимцем всего класса, ему решили устроить похороны по первому разряду. Гроб ему выдолбили в большом куске мела. «Он будет покоиться, как фараон в саркофаге»,—сказал классный остряк. В меловой гроб его положили, завернув в серебряные покровы, сделанные из бумажки от шоколада. Эпитафию ему написали лучшие классные остроумцы. Она гласила:

Сей таракан безгрешно жил
И лишь обжорством согрешил,
Одними крошками питался
И вот до смерти обожрался.
Пускай к нему не будет строг
Загробный тараканий бог!

Длинная процессия, привлекая внимание других классов, во главе с факельщиками, несшими церковные свечи впереди процессии, направилась по коридору через главный рекреационный зал в уборную, где над тараканом произнесли несколько речей в его честь, рассказывая о его жизни, полной приключений, и вознося его тараканьи достоинства. Потом пропели хором «вечную память», и прах его вместе с саркофагом полетел в водяную бездну, сопровождаемый гулом спущенной воды и строгим голосом классного воспитателя, вопрошавшего громогласно: «Что здесь происходит?!»

Но даже похороны выдающегося таракана не могли увести мои мысли в другую сторону. Я повторял про себя: «Сегодня я буду в цирке!»

И вот он пришел, долгожданный вечер. Мир чудес начал действовать. Танцевали лошади, все, как одна, поднимались на дыбы, шли на дрессировщика на задних ногах, махая в такт музыки хвостами и передними ногами.

Ангорские кошки, распустив пушистые хвосты, прыгали через обручи; жонглеры кидали так много предметов в воздух, что казалось непонятным, откуда у них берется столько рук, чтобы поймать все это на лету; гимнасты изгибались так, что их головы касались арены; клоуны потешали публику у ковра—все двигалось в том привычном цирковом порядке, который я знал давно.

Вдруг вышел артист с черными курчавыми волосами, с темно-коричневым лицом, длинными, как у обезьяны, руками. Он скинул богато украшенный узорами халат и остался в одних трусиках. Принесли доску, всю утыканную длинными гвоздями; он лег на нее; ему на грудь положили доску, и на эту доску встал человек в униформе. Факир лежал и пел что-то заунывное. Потом он встал с доски, сбросил туфли и босиком начал подниматься по лестнице из острых сабель, положенных так, что его босые ноги ступали по самому срезу сабельного клинка. Сделал он это восхождение, несся на своей курчавой голове большую зажженную керосиновую лампу.

Добравшись до площадки, увенчивавшей лестницу, и спустившись снова по саблям, он показал свои голые пятки, на которых не было никаких порезов.

Потом он выпил бутылку керосина и, сложив руки рупором, пустил в воздух синюю керосиновую струю. Ее подожгли на лету, и казалось, что из его рта летит огромный пылающий красный язык.

Он протыкал себе щеки, губы, бока длинными, похожими на дамские шляпные булавками. Все, что он делал до сих пор, удивляло, но не производило особого впечатления. Но вот принесли большой изогнутый полированный бумеранг. Принесли блюдо с какими-то заморскими плодами. Но он выбрал три огромных апельсина и широким, размашистым жестом забросил эти три больших апельсина высоко под купол цирка.

Они взлетели, как сверкающие оранжевые шары, и не успели упасть: их нагнал пущенный им вслед бумеранг. Он достиг самого верхнего из них и легко, почти незаметно рассек его ровно посередине, потом догнал летевшие ниже и ударил их сбоку по очереди. Ровные половинки трех апельсинов падали, переворачиваясь, а бумеранг, обогнав их, описал плавный круг и вернулся в руки своего курчавого хозяина.

Это было так красиво сделано, с такой легкостью и силой, что весь цирк кричал и бесновался. Мне же почему-то пришло на ум, что вслед за этим необычным номером мы должны увидеть что-то совсем поразительное.

И мы увидели. На арену вышел человек небольшого роста, смуглый, широкоплечий, складный. Был он в синем трико и в черном плаще с алой подкладкой. Униформисты натянули проволоку на высоте человеческого роста над ареной, и, пока они натягивали, артист — по программе он назывался Хуарес — изображал жестами свой ужас перед необходимостью ходить по проволоке. Он бегал и пожимал плечами, протягивал в отчаянии руки. Он пробовал упругость натянутой проволоки, бегая вдоль нее по арене, и все не решался влезть на проволоку.

Наконец, решившись, он влез на столб, к которому был прикреплен конец проволоки, и шагнул на нее, причем лицо его изобразило крайнюю растерянность и страх.

Через мгновение, всплеснув нелепо короткими ручками, он, как мешок, упал на арену и встал, отряхиваясь и показывая всем видом, что ничего у него не получается.

Собравшись с духом, очутился он снова на проволоке, сделал несколько отчаянно смешных шагов по ней, останавливаясь и приседая, оглядываясь, смеша публику несоответствием ловких и рассчитанных прыжков на проволоке с трусливыми ужимками, испуганными взмахами рук. Потом он сделал вид, что немного освоился, и прошел всю проволоку благополучно.

Он соскочил на землю, что-то сказал людям в униформе, и они чуть ослабили проволоку. Он влез и теперь попробовал ногой расслабленную проволоку, вдруг повеселел, выпрямился, исполнил на проволоке целый танец и, приплясывая, снова соскочил на землю. Проволоку после каждого его нового выступления, после каждого его нового прыжка и танца ослабляли все больше, и наконец она стала почти волочиться по арене, провисая в самой середине.

Тут Хуарес стал совсем другим, чем вначале. Он уверенно красовался на проволоке, и чуть заметно в это время убавили свет в цирке. Артист пробежал по проволоке, сильно раскачивая ее. Света стало еще меньше. Только тонкий световой луч, направленный на Хуареса, давал возможность видеть, что с ним происходит.

А с ним происходило нечто необычайное. На невидимой ослабленной проволоке во мраке цирка летал то вправо, то влево Хуарес. Его маленькая стройная фигурка свободно парила в воздухе, то уносясь от нас в высоту, как подхваченная воздушным потоком, то снова опускаясь до арены. Красный шелк подкладки его плаща то горел зловещим зеленым сиянием, то становился темно-алым, как будто языки пламени лизали летавшего человека.

Он точно шел к куполу цирка, как идет пешеход вверх по холму, по крутой тропинке, вдруг изменял маршрут, точно раздумав, и уходил вниз, без всяких усилий меняя направление. Точно невидимые крылья несли его в стороны, он раскачивался и совершал огромные размахи, как живой маятник, умело управляя своими крыльями. Но он не имел крыльев. Тихая музыка, тишина, охватившая всех зрителей, безмолвные взлеты артиста в теплую, бархатную черноту над ареной так повлияли на меня, что у меня не было сомнений: этот человек умеет летать без крыльев!

Казалось, что ему ничего не стоит проле-

теть над всеми ярусами цирка и встать где-нибудь на трапеции, привязанной под куполом, и снова ринуться вниз, и снова взлететь.

В огромной чаше темного цирка таинственно жило это странное существо, чуть освещенное тонким белым лучом, и в этом луче он начал все ускорять и ускорять свой полет.

Тишина вокруг была такая, точно цирк вдруг опустел. Мне казалось, что я вижу это все во сне, что я заснул на представлении; я закрывал и открывал глаза и видел Хуареса, плавными и сильными движениями рассекавшего мрак, как большая непонятная птица с изумрудными крыльями.

Казалось, не будет конца этому человеческому чуду. Но свет начал прибавляться, прожекторный луч побледнел, стало совсем светло, народ ожил, и при этом освещении, раскачавшись до страшного взлета, артист вернулся на арену, и нельзя было уловить мгновения, в которое он погасил скорость, такую дьявольскую,— и вот уже стоял на арене, раскланиваясь и смотря так простодушно, точно он сам сомневался в своем изумительном искусстве летать на проволоке.

Потом цирк сотрясся от оваций, загудел, как будто ударили в самый большой барабан. После Хуареса я уже не мог ни на кого смотреть. Я был переполнен впечатлениями. Выйдя из цирка, идя по улице, я невольно размахивал руками, как Хуарес на проволоке, и смотрел в глубину ночного неба, как будто хотел увидеть этого Хуареса летающим среди звезд на бархатном ночном небе.

— Что с тобой? — спросил меня дядя Вася.— Чего ты трясешься? Тебе холодно?

— Нет, мне не холодно. Я вот хочу спросить о Хуаресе.

— Он такой же Хуарес, как я японский микадо,— отвечал дядя Вася.— Они в цирке нарочно иностранные имена принимают, чтобы было интереснее. Это же артисты. У них порядок такой что в театре, что в цирке...

— А что, он знает секрет все-таки какой? — сказал я.

— Какой секрет? Ты о чем говоришь?

— Да вот секрет, как летать. Он же летать умеет...

— Так он, брат, летать сам научился. Никакого секрета нет. Такого секрета в лавке не купишь. Сам достиг он; на то талант; артист, мастер, одним словом! А дело мастера боится, сам знаешь!

— А что он вначале, как вышел, вроде как бы боялся?

— Это он нарочно. Для занимательности...

— Дядя Вася,— сказал я,— а ведь вот я был совсем маленький и даже ходить не умел. Правда ведь?

— Правда. Так это не ты один, у всех это время было, что мамка под мышки держала, на пол ставила. Никто ходить не умел сначала, это верно...

— Ну вот, дядя Вася, а теперь я хожу, даже бегаю. Ведь человек плавать тоже не умел, а научился и даже нырять под воду может...

— Ну так что,— сказал дядя Вася,— выучиться плавать все могут. Тут каждый действует по силам, по способностям.

— Так ведь можно и летать выучиться человеку, стоит попробовать. Никто не пробовал всерьез, а если попробовать, вдруг и полетишь...

— Как же ты, умник, без крыльев полетишь?

— А как же мы без жабр и без хвостов плаваем? Какой-то секрет тут есть. Я думаю, и без крыльев можно летать. Вот как сейчас в цирке Хуарес...

— Попробуй,— засмеялся дядя Вася,— ты легкий, легче мухи, тебе это можно попробовать! А я тяжелый, мне, как быку, не взлететь. Вес не тот...

Вернувшись домой полный самых противоречивых ощущений, я наскоро выпил теплого чая, поел холодной каши и поднялся на второй этаж темной старой дачи. Родители уснули, не дождавшись нашего с дядей Васей возвращения. Бабушка поворчала и тоже ушла спать.

Дача, которую мы снимали, была уже сильно поистрепана: не ремонтировали ее, наверное, лет двадцать. Полы подгнили, двери скосились, в щели несло ледяным холодом, окна не закрывались плотно. И сейчас в балконной, где я спал, было прохладно, но мне было жарко от нахлынувших воспоминаний о всем увиденном в цирке.

Я не мог лечь спать. Сон бежал от моих глаз. Я хотел читать начатую книгу «Приключения трех русских и трех англичан», но буквы рябили, да и свет от свечки шел какой-то слабый и тусклый. Я распахнул дверь и храбро вышел на балкон. Меня окружила черная ночь. Свеча погасла. Было уже поздно. Вокруг, куда я ни бросал взор, не виднелось ни одного огонька. Только вправо от меня стояло поблизости какое-то розовое сияние, слабое и дрожащее, и там, под этим сиянием, что-то фыркало и тяжело дышало и вздыхало. Там проходила запасная железнодорожная ветка, и сейчас там, по-видимому, маневровый паровоз двигался вперед и назад тихим ходом.

Высоко зеленели, как ледяшки, острые, пронзительные звезды. Я стоял, не чувствуя холода, как на краю обрыва. Я чувствовал, что этот неведомый мне Хуарес, или как его там зовут по-настоящему, вошел в мою жизнь и мучает меня, как непонятная болезнь. Меня наполняло неодолимое, непонятное, поднимающееся из глубины моего существа желание лететь немедленно, сейчас, раскачаться, как он, и взлететь к этому далекому звездному простору без крыльев, именно без крыльев, двигая только руками и ногами.

Я огляделся по сторонам. Все в доме спало крепчайшим сном. Даже самого легкого шороха или треска не было слышно в саду. И он спал тяжелым, угрюмым осенним сном. Вокруг была разлита такая тишина, как там, в цирке, когда о н летал. Мне показалось, что я один бодрствую на земле и думаю о том, что каждый человек должен уметь летать, что это так же естественно для него, как ходить, бегать, плавать.

Какое-то темное волнение подымало меня. Щеки мои горели. Сердце билось, как будто я бегом бежал по крутой лестнице. Я не мог противиться искушению. Как говорил дядя Вася: «Попробуй! Попробуй!» Дядя Вася спит спокойно и даже во сне не видит сегодняшнего цирка, а я стою на ночном балконе, изнемогая от мучений. «Попробуй!» Все мое существо содрогалось от этого невидимого призыва, точно широкоплечий стройный человек в синем трико и черном плаще стоял за моей спиной и толкал в непроглядную бездну ночи.

Я уже не владел собой. Благоразумие оставило меня. Я, дрожа, влез на балконные перила и прижался к старой, сырой, позеленевшей колонне, державшей крышу над балконом. Я стоял неподвижно, мрак был непроницаем. Даже бледное розовое сияние недалекого паровоза исчезло вместе с шипением и фырканьем. Паровоз ушел спать.

Я сделал первый шаг по направлению к другой колонне, державшей крышу на другом конце балкона. Передо мной, как живой, встал Хуарес. Я даже увидел ясно его смешную гримасу растерянности и страха, с которой он в начале своего номера подошел к проволоке.

Вероятно, я невольно сейчас повторил его гримасу. Я сделал второй шаг и остановился. Мне стало жарко. Пот выступил у меня на лбу. Я поднял, как аист, одну ногу. Я стоял на одной ноге, проверяя себя. Чувство какой-то облегченной радости охватило меня. Я попробовал прыгнуть на одной ноге, подпрыгнул, меня занесло куда-то в сторону, и я полетел во тьму, как мне показалось, ногами вперед, полетел в ночь, в неизвестность.

Это было удивительное ощущение потери тяжести. Воздух принял меня в свои холодные объятия. Это состояние свободы и легкости было мгновенным. Затем я, как мешок с картофелем, тяжело шлепнулся в большую, высокую клумбу перед домом. Я лежал среди пышных осенних цветов, бессознательно вдыхая их пряный, густой, тяжелый аромат и запах сырой, осенней земли.

Не знаю, сколько времени я лежал, боясь пошевельнуть ногами и руками. Вдруг они уже сломаны? Но, полежав на клумбе, как на диване, я понемногу пришел в себя окончательно и сел, оглядываясь. Я был, как ни странно, цел, даже очень мало ушибся и поцарапался: клумба была рыхлая, мягкая, высокая. Считать ли мое приключение свободным полетом или нет, это был вопрос для меня.

Я встал, отряхнулся, весь перемазанный землей, тихо обошел дом с той стороны, где у нас было окно с незапирающейся задвижкой, открыл его, как вор, прислушиваясь к звукам спящего дома, снял сапоги, взял их в руку, на носках прошел к себе по лестнице — я знал, где надо ступать так, чтобы она не скрипела,— закрыл балконную дверь и, добравшись до постели, рухнул, как подрубленный, едва успев набросить на себя толстое ватное одеяло.

Утром, собираясь в школу, я слушал с балкона, как бабушка — а она вставала с солнцем — внизу громко ругалась:

— Это просто безобразие, посмотрите, на что похоже! Все последние флоксы, табаки, астры, я их так берегла, а эти паршивые собаки все помяли! Катались прямо по клумбе. Пострелять их всех надо, бесстыжих. Другого места не нашли, где возиться, как на клумбе! Попадитесь вы мне, я вас угощу! Безобразие!

Я слушал бабушкины вопли по адресу несуществующих собак и вспоминал свой ночной прыжок в неизвестное.

Чувствовал я себя неважно. Руки были как не мои. Ноги гудели. Бока болели. Руки были все же сильно исцарапаны.

«А все-таки люди будут летать так же просто, как они научились ходить и плавать. Да, бабушка!» — сказал я про себя, адресуя свою речь бабушке, громившей вину собак.

Я спустился вниз с полотенцем на плече, потрепанный и все же полный непонятной радости, точно открыл Америку, о которой знаю я один!

ДЕТИ СЧАСТЛИВЫХ КРАЕВ

В квартире жившего в одном доме с нами зубного врача Стефани шла большая война. Несколько мальчиков, друзей его сына Федора Стефани, принесли в коробках свои армии. Множество бумажных и оловянных солдат было выстроено на столе, на стульях, на полках и даже на полу.

Эти игрушечные полки маневрировали по воле своих хозяев, то спускаясь со стола на пол, то подымаясь на стол и атакуя позиции, влезая на книги и штурмуя стулья.

Пушки стреляли гвоздями и кусками проволоки. Иногда просто рукой бросались дробинки, изображавшие шрапнель. Увлечение войной у мальчишек в те далекие годы было общим. В табачных лавках продавались бумажные солдаты. Их вырезали, наклеивали на картон, делали подставку — и они были готовы для сражения.

Пока старшие мальчики, имевшие много пехоты и кавалерии, увлекшись боем, спорили, кто ранен, кто убит из этих бумажных и оловянных героев, я сидел в соседней комнате, весь уйдя в интереснейшую книгу, ничего общего не имевшую с военными операциями, развивавшимися по соседству. Я был еще мал и

поэтому располагал небольшими военными силами и те нередко уступал для игры брату, у которого были настоящие крупные соединения.

Поэтому, найдя книгу, я уже не интересовался ходом сражений. Тем более, что книга была посвящена путешествиям и жизни русского ученого Миклухо-Маклая среди папуасов. Я весь ушел в тропические леса, в чащи, где так удивительно пахли неизвестные мне цветы, я пробирался под кронами пальм и пандианусов, араукарий и фикусов. Я видел огромных щетинистых кабанов, летучих собак, передо мной взбегали по стволам деревьев чудовищные ящерицы, хамелеоны выбрасывали длинные свои языки, крокодилы угрожали из тины старых болот. Я входил вместе с исследователем в папуасские деревни и там ждал с тревогой, как отнесутся ко мне молчаливые сначала, враждебно смотрящие на пришельца странные люди, голые, украшенные цветами, с копьями и каменными топорами в руках.

Потом эти же пугливые дикари становились добрыми, ласковыми, приносили в подарок бананы, угощали сахарным тростником, дарили цветные раковины и собачьи зубы. Как интересно, как захватывающе было это путешествие! Но оно кончилось очень неожиданно для меня.

Я забыл о времени, углубившись в случайно обнаруженную книгу. Дверь открылась, и толпа полководцев, обсуждавшая результаты битвы, обнаружила меня.

— Вот он где! — закричал в негодовании брат.— Из-за твоих несчастных войск, которые не принимали участия в битве, мой правый фланг обошли, и мне пришлось отвести под шкаф части для переформирования. А он вместо того, чтобы воевать, сидел и читал. Отобрать от него командование!

Все хохотали над моим разжалованием.

— Пожалуйста, возьмите солдат и пушки, но оставьте мне книгу.

Но, потеряв небольшую армию, я потерял и книгу, так как мальчик, которому она принадлежала, должен был вернуть ее в библиотеку. Он сказал, что попробует еще раз взять ее для меня. Но я больше не видел книги, так как мальчик, увлеченный войной, забыл, конечно, обо мне.

Но я не забыл книги. Даже те страницы, что я успел буквально проглотить, остались надолго в моей памяти. И, закрыв глаза, я видел папуасов, их дома с высокими крышами из пальмовых листьев; ночью мне снилось, что я сижу на песчаных берегах прелестных островов. У ног разбиваются высокие голубые волны, потом я иду по тропинкам среди красивых шоколадных людей, у которых в волосах цветы. Они идут легким, быстрым шагом. Потом мы танцуем у костров снова на берегу океана, и большая медовая луна отражается в лагуне. Как мне хотелось попасть к этим детям счастливых краев, в неизведанную страну мира и дружбы! Счастливые полуголые люди!..

Я искал журналы, где было написано что-нибудь о папуасах, и скоро мое увлечение стало известно в классе, где всегда школьники хвастаются друг перед другом прочитанными книгами и своими фантастическими мечтами.

Старшая учительница нашей школы — школа была трехклассная, городская — Анна Алексеевна тоже узнала о моем увлечении. Время приближалось к рождеству. Мы ждали традиционной елки и подарков. Накануне каникул Анна Алексеевна сказала мне таинственно:

— Я кое-что отыскала интересное для тебя.

Подошел вечер раздачи подарков. Елка упиралась в потолок, свечи на ней горели желтым праздничным огнем, гирлянды разноцветных флагов свешивались с ветвей. Внизу под елкой, на столе, лежали скромные пакетики-подарки.

Как я ни напрягал взор, я не мог найти там большую книгу о Миклухо-Маклае. Ее там и не было. Но зато Анна Алексеевна вручила мне тоненькую-тоненькую книжицу, тщательно завернутую в синюю бумагу. Она с интересом смотрела, как я бережно развертываю бумагу. Потом увидела явное разочарование на моем лице.

— Разве это не то? — спросила она.— Это же Полинезия, это же капитан Кук! Ты ведь хотел этого?

Я держал в руке тощую, в тридцать две страннички, книжку, обложка которой сверкала и красным, и черным, и голубым. На ней был нарисован человек в красном мундире, с саблей в руке, за ним шли такие же солдаты в красном, с ружьями. На них наступали чернокожие, бросая копья. Длинные стрелы летели в красномундирников. Я заглянул в книжку. Большими буквами там говорилось о том, как дикари убили и съели знаменитого капитана Кука.

Я перевернул книжку. Это было издание Сытина — дешевое, популярное издание. Цена — десять копеек.

Видя мое разочарование и неправильно поняв его, Анна Алексеевна сказала:

— Мальчик, мы не можем покупать дорогих книг. У нас нет денег, но я тебе разыскала эту, зная, что ты любишь читать про путешествия.

Я сказал: «Спасибо»,— потому что нас учили с детства вежливости по отношению к старшим, но я не мог не добавить:

— Тут про войну, а наши мальчишки только и делают, что каждый день воюют. А в той, про Миклухо-Маклая, про войну совсем нет ничего.

Видя мое разочарование, она сказала, что постарается достать мне книгу про Миклухо-Маклая. И она исполнила обещание. Потом я еще читал про него, и скоро я стал так начитан, что мог своим друзьям и дома рассказывать жизнь ученого своими словами. И снова мне снились благословенные края, и голые счастливые люди, и океанские волны, и тропические леса.

Дядя Вася тоже был приобщен к моей папуасской страсти. Он, конечно, не мог представить себе папуасов, но ему тоже нравились такие мирные, такие не похожие ни на кого, вольные, красивые обитатели южных краев, где солнце светит круглый год, где круглый год можно не знать никаких забот в жизни.

Раз он пришел чуть-чуть румяный, из каких-то гостей, и, поманив меня в сторону, шепнул:

— Собирайся, пойдем прогуляемся.

Моя мать, взглянув на него испытующе, угадав его намерение, строго сказала:

— Я очень прошу, когда гуляешь с ним, не веди его в пивную или в трактир. Ты там сидишь, выпиваешь, а ему чай заказываешь с пирожным. Я тебя знаю. Нечего мальчику с таких лет к пивнушкам привыкать.

— Мать,— сказал дядя Вася, который очень уважал свою сестру, даже называл ее матерью,— честное слово даю: мы идем только гулять и никуда, вот отсохни моя нога, не будем заходить по этой части!

Когда мы были на улице, он ударил меня слегка по плечу:

— Папуасов еще не разлюбил, солнечных, счастливых людей?

— Нет,— сказал я, удивляясь, почему он вспомнил про них без всякой причины.

А он, тряхнув головой, сказал, беря меня за руку:

— Хочешь, покажу тебе живых папуасов?

— Как? — опешил я.— Мы поедем в Австралию?!

— Да нет, зачем в Австралию! Какая тебе Австралия! Они на Васильевском острове, твои папуасы. Сегодня узнал.

— Как на Васильевском острове?

Мое удивление все росло. Мне казалось, что с дядей Васей происходит что-то странное.

Но он уже рассказывал мне необыкновенные вещи.

— Этих твоих папуасов завезли из Гамбурга. Из зоологического сада.

— Как из зоологического сада? Они же не звери, а люди!

— Погоди, погоди! — воскликнул дядя Вася.— Гагенбек, есть такой немец, он и зверями и людьми торгует. По договору доставили их, оказывается, в наш один увеселительный сад, чтобы они там танцевали, показывали кто что может на увеселение публики. Теперь сезон кончился. А их перехватил один ловкий человечек и давай за деньги показывать. За небольшие, конечно, для простого народа. Нате, смотрите, какие есть люди на земле! Ну вот пойдем, увидим их. Он им снял квартиру на Васильевском острове.

— А ты уже их видел? — спросил я.

— Не видел, где же мне видеть, я на работе занят. А вот сегодня освободился, замену нашел, чтобы этих папуасов посмотреть.

Всю дорогу я думал о том, как я увижу детей солнечного юга. Мне казалось — и это было самым невероятным,— что они перенесли сюда, под холодное, серое небо севера, свои роскошные краски и что я увижу их на горячем песке, на пляже, под сенью больших веерных пальм.

Мы отыскали дом, где жили папуасы. Прошли грязный, сырой, воняющий почему-то селедкой двор, заставленный ящиками и бочками. Помои застывшими разноцветными ручьями пересекали дорогу. Войдя на мрачную лестницу с обшарпанными ступеньками и стенами, не ремонтировавшимися с рождения, мы встали в хвост длинной очереди, втягивавшейся в дверь, откуда нам навстречу подымался какой-то легкий кислый пар.

Перед нами, толкаясь и шумно обмениваясь мнениями, топились василеостровские кумушки, мелкие торговцы, приказчики из молочных и мясных, канцеляристы, люди с неопределенным выражением лица, неопределенных занятий и в довольно потасканных костюмах. Все это шествие втягивалось в узкий коридор, пересекавший квартиру, так что вошедший уже

Далеко ли путь держите?

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото О. КНОРРИНГА.

Лейтенант милиции С. И. Рамзин на посту.

Чего-чего, а солнца в этот прекрасный воскресный день было более чем достаточно. Площади, улицы, проспекты были залиты его теплыми лучами, и казалось, что столица утопает в «сияньи голубого дня».

Москва отдыхала, как всегда в выходной день.

Москва отдыхала, но не бездельничала. Быть может, часом позже, чем в будни, стало оживленно на улицах. Трудно усидеть дома в этот по-настоящему летний день! На воздух, в лес, к реке!

Все гуще поток машин на Ленинградском шоссе. Мелькают «Волги», «Победы», «Москвичи». Проносятся автобусы и грузовики с пассажирами, усевшимися на стульях и скамьях. Боевой вид имеют мотоциклисты, облаченные в шлемы и каски. Гордо восседает ездок на мотороллере, словно красуясь перед своим единственным пассажиром — девушкой. Иронически поглядывают на эту вереницу велосипедисты, считающие только себя настоящими спортсменами; они сильнее нажимают на педали и на всякий случай держатся поближе к обочине...

— Вот здесь и остановимся! — сказал нам лейтенант милиции Сергей Иванович Рамзин.

Это было на девятнадцатом километре, невдалеке от Химок.

Рамзин вынул из коляски своего мотоцикла черно-белый жезл и вышел на середину шоссе. Этот жезл показался нам волшебной палочкой: едва взмахнет им Рамзин, как машина покорно сворачивает к обочине и останавливается.

— Слушаю вас, товарищ инспектор! — Голос водителя выдает его волнение: за кем из них не водится грешков!..

Откозырнув, лейтенант проверяет водительские права.

— Все в порядке! — говорит он, и лицо шофера светлеет. — Теперь с вами хотят поговорить...

— Извините, далеко ли путь держите, товарищ? Как проведете выходной? — с таким вопросом обращаемся мы ко всем на шоссе.

Лейтенант безошибочно угадывает, куда идет машина и кто в ней едет.

— Этот автобус — на экскурсию,— определяет Рамзин, предлагая водителю остановиться.

Рамзин оказался прав. Директор Центрального коллектора научных библиотек Евгения Михайловна Афанасьева отвечает нам через открытое окно:

— Мы едем на экскурсию в Клин, в Музей Чайковского.

В автобусе сидели сотрудники коллектора со своими семьями.

— В добрый путь! — улыбается лейтенант.

По следующему взмаху жезла останавливается сразу несколько крытых грузовиков. Это едут сотрудники Научно-исследовательского института Госплана СССР. Далеко ли они держат путь? В пионерский лагерь вблизи станции Планерная. Собственно говоря, дети еще были в Москве, а сейчас родители посвятят воскресный день подготовке лагеря к открытию.

На шоссе становится все оживленнее.

Просим остановить мотоциклиста. За рулем — инженер Алексей Николаевич Колянкович. В коляске — его жена Ирина Павловна. Супруги торопятся посмотреть мотогонки. Некогда и сам Алексей Николаевич был гонщиком: он уже тридцать лет увлекается мотоциклом.

— Мои увлечения — мото, фото и семья, не считая, конечно, работы, — шутит он.

— А с кем остались дети?

— С тещей, с той самой тещей, о которой столько всякого наговорено, — смеясь, отвечает Ирина Павловна.

Следующим нашим собеседником был велосипедист Алексей Липатов, крановщик Северного порта. Он ехал догонять своих товарищей, которые раньше него отправились в Архангельское, в музей. Алексей задержался: работал в ночной смене. Конечно, он не может пропустить такого инте-

---

не возвращался через переднюю, а покидал это мрачное жилище через кухню.

В дверях трех маленьких комнат был сделан легкий барьерчик, чтобы нельзя было войти в комнату и в то же время можно было даже опереться на него, разглядывая, что там внутри.

Небольшого роста человек, в помятой шляпе, небритый, с тонким носом, очень ловко взимал двугривенные с любопытных, и мимо его быстро ищущего взгляда нельзя было пройти, не внеся эту обязательную плату. Он же изредка кричал в коридор:

— Господа, не толпитесь, господа, бросать можно только бананы, огурцы, яблоки! Только яблоки, огурцы, бананы!..

Ни у кого из пришедших я бананов не видел. Совершенно удрученный обстановкой, я не понимал, где же здесь папуасы. Но они были здесь, и я их увидел. Я смотрел поверх дощатого барьерчика внутрь крошечной комнаты. В окно глядел холодный осенний петербургский день. Комната была пуста и загрязнена. На темном полу лежал большой железный лист. На нем тлела горка сине-розовых углей. Сизый дым подымался к потолку. За этим потухающим костром на циновках сидели голые, дрожавшие от холода, испуганные, худые люди. Женщина прижимала к себе ребенка, закутанного в какую-то пеструю шаль. Только жесткие курчавые волосы высовывались из-под шали. Женщина как бы закрыла его от этих любопытных, равнодушных, холодных глаз, которые сменялись каждую минуту новыми.

Мужчина сидел и что-то вырезал из дерева. Лук и стрелы лежали рядом. Подобие шалаша из соломы было сооружено в углу. Какое-то бесформенное тряпье валялось в этом шалаше. Все было так печально и так неожиданно, что я не сразу заметил, что по полу раскиданы огурцы и яблоки — приношения посетителей. Никаких бананов не было. Мы продвинулись дальше по коридору. В соседней комнате сидели такие же раздетые люди. Только один из них, молодой, вставал, брал какую-то папуасскую флейту, издававшую резкие, заунывные звуки, и, пустив такую неожиданную, дикую трель, снова садился на циновку и замирал. Остальные сидели неподвижно, с одним травяным поясом на бедрах, худые до того, что кости обозначались на их коричневых телах, как будто нарисованные. Некое подобие татуировки было на груди у папуаса, сидевшего в третьей комнатушке.

Он смотрел каким-то отсутствующим взглядом, как будто совершенно не замечая толпившихся в дверях, погруженный в какие-то свои, папуасские мысли. Одна девочка, положив голову на колени женщины с измученным, строгим, как вырезанным из черного дерева, лицом, с пышными густыми волосами, спала детским, крепким сном...

Вот ей и снились, наверно, те же сны, что и мне: песчаный теплый берег, голубые волны, восходящая медовая луна, тропинки в тропической чаще...

От холода папуасы посерели. Им было все равно, что с ними делается в этом далеком чужом городе, где нет ничего похожего на их родину.

О, как я жалел, что я не знаю их языка, что я не могу сказать что-нибудь утешающее, что-нибудь, что вдруг вдохнет радость в этих измученных людей! Проходивший народ не смеялся. Смотрели с какой-то жадностью, удивлением, с жалостью, особенно женщины. Одна даже сказала:

— Вот горемычные-то, хуже, чем мы! Что же это за жизнь такая!

Кто-то ответил ей:

— Одно слово — жизнь дикарская!

Мы вышли в грязный, полутемный второй двор. Лужи отливали свинцовым блеском. Зеленоватые окна казались подернутыми плесенью. Серые камни под ногами напоминали кладбищенские плиты. Холодный ветер носился над крышами, и где-то жалобно вздрагивали звонки конок.

Я взглянул на дядю Васю. Он махнул рукой, как бы отгоняя от себя что-то докучное:

— Да, брат, вот тебе и папуасы. Солнечных-то людей куда загнали, а? За двугривенный, как зверей, показывают!.. Куда дальше!

— Дядя Вася,— сказал я с дрожью в голосе: мне самому было грустно и тяжело,— но ведь они здесь в неволе! Дома-то они другие, веселые, правда-правда, у них же пальмы есть, море, леса, правда же...

Я говорил так, точно я видел их сам там, в этих лесах, под пальмами.

Дядя Вася вдруг засмеялся. Он сказал, как бы очнувшись и что-то вспомнив:

— Слушай, вот ты вырастешь, книги оставишь, будешь сам по себе жить. Вот тогда поезжай в эти края, где там твои пальмы и моря, и проверь сам, своими глазами, а то, брат, видишь, книга с жизнью не всегда сходится... Так вот и проверь, что и как там с твоими папуасами...

— И проверю,— сказал я упрямо.

И дальше мы шли молча до самого дома. Правда, это близко от Васильевского острова.

Супруги Колянковичи уточняют маршрут: как проехать к месту мотогонок?

Семья мастера Ивана Михайловича Панфилова в коллективном заводском саду. Делом заняты все, от мала до велика!

На Истринское водохранилище держат путь инженер-конструктор Кирилл Иванов и его жена инженер-физик Тамара Соболева. Сразу видно, заядлые туристы!

ресного путешествия, а усталости в его годы еще не чувствуют.

— Люблю велосипед, — признается он. — Часто после работы уезжаю куда-нибудь далеко на лоно природы. Впрочем, мне пора, надо спешить...

Маленький «Москвич», причаливший к обочине, оказался переполненным. Мы знакомимся со всей семьей контрольного мастера машиностроительного завода Ивана Михайловича Панфилова.

— Далеко ли?

— К себе в поместье — в коллективный заводской сад. Там у нас и домик есть. Были бы еще родные, и тех захватили бы: дела много. Только, пожалуй, мест нет, — улыбается Иван Михайлович, искоса поглядывая на милицейского инспектора. — Вот поезжайте с нами, можете тоже поработать... Это, знаете, полезно!..

А вот катит грузовик. Едет молодежь — комсомольцы-строители. Путь держат в Петрищево, к памятнику Зои Космодемьянской.

...Время приближалось к полудню, солнце уже поднялось в зенит, но воздух все еще по-утреннему свеж. Мы обратили внимание, что немало автомашин и мотоциклов едет и в сторону Москвы. Что влечет пассажиров в столицу в этот воскресный день? И вот взмах «волшебной палочки» — к обочине подрулил автобус.

Мы знакомимся с врачом Прасковьей Ивановной Заонегиной. О, нет, ничего не случилось! Ее пациенты едут в театр. Едут они из Солнечногорска. Это рабочие местного завода. Прасковья Ивановна — врач заводского профилактория. Сегодня выходной, и ее «больные» будут смотреть в театре пьесу «Сила любви».

Еще два грузовика везут зрителей в столичный театр. Это рабочие и служащие клинского совхоза «Динамо».

— Что же будете смотреть?

— «Четыре жениха» в театре «Ромэн».

— Своих не хватает, а тут целых четыре! Может быть, подберем! — раздается звонкий девичий голос, и его заглушает общий смех.

— Желаем успеха!

По обочине шоссе идут пешеходы — два парня с удочками и бидоном из-под молока. Это братья Сошниковы: девятнадцатилетний Борис, работающий автоматчиком на заводе «Пролетарский труд», и пятнадцатилетний Володя, ученик ремесленного училища.

— Много наловили? — Мы тянемся к бидону.

— Пока ничего, — раздается тяжелый вздох. — С утра не клюет, хоть тресни! Сидели на канале, решили перейти к реке за несколько километров отсюда. Только идем за рыбой... Обязательно поймаем!

Снова взмах жезла — блестящий новенький мотоцикл тормозит, останавливается. У седоков такой спортивно-туристский вид, что вопросы излишни. У молодого человека плечи схвачены ремнями рюкзака. Молодая женщина в спортивной курточке, узких и коротких брюках. Муж и жена. Оба инженеры: он, Кирилл Иванов, инженер-конструктор, а она, Тамара Соболева, инженер-физик. На мотоцикле проводят каждый выходной, а иногда и вечера в будни. Едут на Истринское водохранилище. Нет, не на рыбалку, а просто отдохнуть на бережке. Разобьют там палатку — она спрятана в рюкзаке, вместе с едой, — будут гулять, снимать интересные виды и друг друга, конечно.

Едут женщины и мужчины, молодые и пожилые. У каждого своя цель. Некоторые имеют прямое назначение: в Куркино. Вы не знаете Куркина? Это подмосковная Швейцария! Туда промчался на мотороллере моторист из научного института — НАМИ — Борис Романов со своим приятелем слесарем Александром Косоротовым, на мотовелосипеде проехал врач Сергей Сальников, старенький «Москвич» повез туда управляющего химкинской аптекой Ивана Владимировича Нутко и лектора горкома партии Михаила Емельяновича Рыковского с детьми.

В заключение расскажем о четырех десятиклассниках, четырех друзьях. Они остановились возле нас со своими велосипедами — Алексей Хованский, Борис Кормаков, Григорий Синайский, Владимир Тришин, — все из 578-й московской школы. Такие путешествия они совершают каждое воскресенье.

— После поездки мы выпускаем фотогазету «Объектив», — сказал Алексей.

Один из ребят отошел подальше и стал щелкать фотоаппаратом.

— Заснято! — крикнул он радостно. — Не знаю, где вы поместите ваш снимок, но наш обязательно появится в «Объективе».

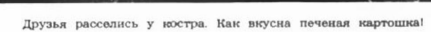

Два брата-рыболова Борис и Володя Сошниковы. Сегодня неудача: не клюет...

Через несколько часов они ждали нас в условленном месте. Уже был разложен костер, и в нем пеклась картошка. Это была самая вкусная картошка, которую нам приходилось когда-нибудь есть.

Мы их тоже засняли: любезность за любезность!

...К вечеру поток машин, велосипедов, мотоциклов, мотороллеров и пешеходов устремился в обратном направлении — в столицу. Москвичи возвращались домой после приятно проведенного дня.

Друзья расселись у костра. Как вкусна печеная картошка!

Г. Эрнесакс (справа) и П. Керес после игры в теннис.
Фото С. Розенфельда.

В. И. Каледа фотографирует родной город.

ЛЮБЛЮ ТЕННИС

Год от года умножаются обязанности, и возраст, к сожалению, не уменьшается. Что поделаешь, уже пятьдесят!

Руководитель хора, педагог, композитор — в одном лице. Разумеется, надо порой отдохнуть от музыки. Да и разных любимых занятий у меня слишком уж много: книги, театр, шахматы, фотография, автомобиль... Порой кажется, что спина, как говорят у нас в Эстонии, «обрастает мхом». Значит, для отдыха нужен спорт! Прежние увлечения молодости — прыжки, баскетбол — надо заменять чем-то другим.

И вот теннис, которым я стал заниматься в 42 года, для меня теперь необходим почти как хлеб насущный.

В Таллинской консерватории у меня есть серьезные соперники на корте: профессор скрипач В. Алумяэ, доцент Х. Лаан, дирижер Ю. Варистэ, музыковед А. Вахтер... Между прочим, на кафедре дирижирования из шести преподавателей только один еще не научился этой отличной игре. У нас в ходу такая шутка: нельзя начинать дирижировать, пока не сдашь экзамена по теннису. И, конечно, хорошая игра требует усердных упражнений, почти как игра на скрипке (может быть, поэтому отец и сын Ойстрахи — отличные теннисисты).

Как-то в паре с Юри Варистэ мы сражались против Ойстрахов. Совсем недавно была у меня встреча с Паулем Кересом. Этот гроссмейстер умеет предвидеть всякие «ходы», в том числе и теннисные, так что «мат» на корте оказался для меня неизбежным.

Теннис умножает энергию, укрепляет молодость вне зависимости от возраста. Давайте строить теннисные площадки и теннисхоллы!

Густав ЭРНЕСАКС,
народный артист СССР,
депутат Верховного Совета
Эстонской ССР.

КАРТИНКИ ПОДВОДНОГО МИРА

На стене — картина в массивной темной раме. На ней сочными, яркими красками изображен уголок подводного мира. Но что это? Не веришь глазам: картина живет. Водоросли едва заметно колышутся, временами стремительно вверх бегут воздушные пузырьки, а вот и одна из рыб, только что казавшаяся неподвижной, вильнула хвостом, юркнула в густые зеленые заросли.

Настенный аквариум-картину сделал Генрих Станиславович Бортиевич — ленинградский инженер, в недавнем прошлом известный токарь-скоростник. В часы досуга его любимое занятие — аквариум. В его комнате, кроме настенного, есть еще аквариум-этажерка в три отделения и настольные различной величины. Все они сделаны и оснащены руками самого хозяина. В аквариумы проведено электричество. Там, где разводятся мальки, поставлены обогревательные трубки, из резиновой камеры туда подается воздух.

— Аквариумное рыбоводство,— говорит Генрих Станиславович,— расширяет наши познания в биологии. В 1953 году, участвуя в месячнике германо-советской дружбы, я увидел у наших немецких друзей изумительные аквариумы. Они надолго запечатлелись в моей памяти. Попробовал сам сделать небольшой аквариум в подарок своим детям. Попытка удалась. Дело оказалось настолько увлекательным, что я стал развивать и дальше свое «аквариумное хозяйство».

Очень заманчиво выводить новые виды рыб. Взять хотя бы золотую рыбку. Впервые ее вывели в Китае из карася путем долгого искусственного отбора. В одном из моих аквариумов такая золотая рыбка прекрасно себя чувствует. Мечтаю иметь у себя и очень редкую неоновую рыбку. Но особенно привлекает меня конструирование все новых и новых форм аквариумов.

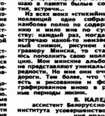
Пример Г. С. Бортковича заразил многих его друзей и товарищей по работе. На станкостроительном заводе имени Свердлова любители соорудили в красном уголке аквариум на 200 литров.

Н. ПУЧКОВА

Г. С. Борткевич.
Фото Б. Лосина.

МИНСКИЕ АЛЬБОМЫ

Врачу, да еще хирургу-отоларингологу, нелегко наладить свой отдых. Ведь болезни и несчастные случаи не планируются. Иной раз, когда ты должен сделать экстренную операцию, тебя разыщут где угодно, в любой час дня и ночи.

Я не спортсмен, не участник художественной самодеятельности, не шахматист: все это требует календарных тренировок, репетиций, соревнований.

Большую часть своего досуга я посвящаю собирательству, коллекционированию. Тут и статуэтки, и почтовые марки, и значки, и редкие книги. Порой, перебирая эти для постороннего ничего не говорящие вещицы, я воскрешаю в памяти былые события, встречи...

Из всех моих «стихийных» коллекций одно собрание наиболее полно по содержанию и мило мне по существу: каждый раз, когда я встречаю какой-то неизвестный снимок, рисунок или гравюру Минска, то стараюсь пополнить свою коллекцию. Мои минские альбомы не представляют уникальной редкости. Но мне они очень дороги. Тем более, что там есть и рисованное и фотографированное мною в разные периоды жизни.

В. КАЛЕДА,
ассистент Белорусского
института усовершенствования врачей.

Минск после войны.

КВИНТЕТ СЕМЬИ ЛЕВЧЕНКО

Вокальный квинтет Ивана Емельяновича Левченко исполнит украинские народные песни.

Ведущий объявил программу, и зал разразился аплодисментами.

Любят в Нижнем Тагиле этот своеобразный хор. Давно уже он с успехом выступает в концертах художественной самодеятельности.

Мы познакомились с ним во Дворце культуры металлургов. Руководитель ансамбля, 54-летний Иван Емельянович,— один из старейших доменщиков. Четверть века проработал он на комбинате и недавно ушел на пенсию. Остальные участники квинтета — его сыновья: Антон — водопроводчик доменного цеха № 1, Юрий — кантовщик прокатного цеха, Иван — крановщик на Горноблагодатском руднике. Самого молодого участника семейного хора шутливо-почтительно именуют Михаилом Ивановичем. В свои двенадцать лет он уже мечтает о профессии сталевара. Представителя этой профессии в семье металлургов Левченко как раз и не хватает...

— Как мы отдыхаем, спрашиваете вы? Поем! — отвечает за всех Иван Емельянович.— Хорошее дело — песня! Как-то дух поднимает, теплей на душе становится... Вот и собираемся в выходные дни семьями; зимой — у меня на квартире — живем-то почти все рядышком — или во Дворце культуры, а летом — за городом, в саду, и «спиваем». Это и отдых, и удовольствие для всех нас, и репетиция к очередному концерту...

...Как-то в воскресенье, как всегда в теплые летние дни, семьи всех Левченко собрались за городом, в саду. Сами посадили яблони, вишни, малину, крыжовник, смородину. Вместе с товарищами запрудили маленькую речку плотиной, и образовался пруд с прозрачной, чистой водой. На берегу пруда, среди деревьев, теперь любимое место отдыха.

— «Взял бы я банду-у-уру...»,— затянул густым басом Иван Емельянович. Нежно подхватили баритоны Ивана и Юрия, вклинился тенор Антона, зазвенел мальчишеский альт Михаила Ивановича.

А. ГРИГОРЬЕВ

Концерт вокального квинтета семьи металлургов Левченко: Антон, Иван, Михаил, Иван Емельянович и Юрий. За роялем композитор Борис Дмитриевич Гибалин.
Фото И. Тюфякова.

ПОЧТИ ВТОРАЯ ПРОФЕССИЯ

Отец мой — мастер-литейщик — сызмальства привил мне любовь к труду. После школы в литейной мастерской он учил меня делать отливки.

Перед нашим домом на окраине Тбилиси был небольшой садик. Сосед разводил пчел, которые очень заинтересовали меня. На заводе я получил специальность токаря, но пчеловодство стало для меня как бы второй профессией на всю жизнь.

Года три назад у меня зародилась мысль заменить искусственную восковую вощину пластмассовой. Из пресспорошков я получил точные детали.

Знание литейного дела и механической обработки металлов помогло найти способ получения формы ячеек вощины. Но пчелиная матка не положила яички в соты на пластмассовой пластине.

Неудача? Оставить эксперимент? Ни в коем случае! Свои пластины я испытывал уже в конце сезона, в сентябре — октябре прошлого года. Погода стояла сырая, холодная. Цветов не было.

Я решил подождать до весны. За зиму нашел пластмассу другого вида, изготовил вощину из нее. Поставил в ульи как старые, так и новые пластины. Стал наблюдать...

Снова прилетели пчелы, отстроили соты, налили мед и на этот раз запечатали детку на пластинах обоих видов. А в мае вышли из ячеек молодые пчелки. Задача была решена!..

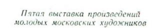
А. Л. Кобулашвили.
Фото В. Карпенко.

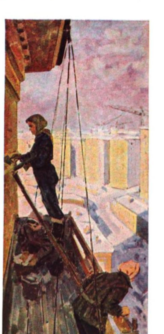
Пластмассовая пластина дешевле искусственной восковой. Ее легко очистить, продезинфицировать для повторного использования. Пластмасса не коробится, не обрывается в улье от жары, от толчков и тряски; исключаются вытягивание вощины, неправильные отстройки сотов с разными ячейками.

Так между делом мне удалось добиться полезных результатов в области, которая меня всю жизнь интересовала.

А. КОБУЛАШВИЛИ,
токарь.

К. Фридман. МОСКВА СТРОИТСЯ. Триптих.

Пятая выставка произведений молодых московских художников

Н. Шевандронова. ИДЕТ РЕПЕТИЦИЯ.

А. Макаров. СЛОБОДА.

А. Кадушкин. ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ.

ВОЛЬНОЕ

ДЫХАНИЕ

Фото И. Тюфякова.

— На год раньше срока выполнить задание семилетки по уровню производства!

Этот призыв тружеников Свердловского экономического административного района нашел горячий отклик у советских людей. ЦК КПСС, одобрив почин свердловчан, пожелал им успешной работы.

В постановлении ЦК КПСС отмечаются обязательства металлургов Нижне-Тагильского комбината: за счет совершенствования техники и технологии производства, а также досрочного ввода в действие новой доменной печи они намерены достигнуть уровня 1965 года по производству стали и проката на два года, а чугуна — на один год раньше срока.

Мы публикуем очерк о том, как смелое внедрение автоматики помогает нижнетагильским металлургам выполнить их обязательство.

А. СТАРКОВ

Рассказу о машинах-автоматах на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате следует, пожалуй, предпослать коротенькую историю одного молодого человека.

Подобно герою кинофильма, прошедшего когда-то на экранах, нашего знакомого можно бы назвать «парень из тайги». Но тот был диковат и, попав из глухой лесной деревушки в рабочий поселок, с трудом привыкал к новой для него жизни. А нашему было проще, хотя и он из далекого, в 400 километрах от железной дороги, окруженного тайгой села. Проще ему было потому, что с малых лет приобщился он в том селе к радио, электричеству и прочим атрибутам цивилизации. Бегал в школу, в физическом кабинете которой стояли реостат и индукционная катушка с сердечником, воздушный насос и гидравлический пресс, даже маленькая паровая турбина и дизелек. Потом помогал отцу-лесорубу, находясь от него в километре, у генератора, дававшего энергию электропилам на лесосеке. В тайге появились геологи, которые искали нефть, и парень переметнулся к ним радистом на базу. Постукивая ключом, держал связь с отрядами, разбредшимися вдоль Иртыша и его притоков. А по совместительству заряжал аккумуляторы для приборов на сейсмостанции. В тайге рвали в разных местах землю. И геофизик Оля, сидевшая около чутких приборов, определяла по записям взрывных волн, где какая порода лежит. Оля приехала в тайгу из Московского университета. Очень интересно было следить за ее работой. А работы у нее было много. И приходилось то и дело перезаряжать аккумуляторы... Потом он служил в армии, и тоже радистом, в далекой заполярной бухте. Из той бухты он поехал не в тайгу, а в Тагил. Ибо к тому времени среди 338 тысяч жителей Нижнего Тагила числилась уже и Оля, геолог Высокогорского железного рудника...

Вот мы и подошли к нашей встрече с Николаем Богдановым. Знакомство с ним поможет повествованию об автоматах. Потому что начать мы собираемся с рельсобалочного цеха. А парень из тайги как раз там наладчиком автоматики на прокатных станах. И в данный момент ведет экскурсию по цеху. Правда, он не совсем экскурсовод, он и экскурсант. Десятиклассники из вечерней школы знакомятся, согласно учебной программе, со всем металлургическим циклом на комбинате: от добычи руды до проката. Николай Богданов в числе экскурсантов. Но поскольку речь сегодня о прокате, преподавательница физики Ксения Ивановна поручила ему миссию гида. Кстати сказать, и на руднике, и в доменном, и в мартене объяснения давали тоже ее «школяры». Приятно иметь таких учеников!

Вместе с экскурсией мы проследили уже половину того тернистого огненного пути, который совершает тяжелая, неуклюжая стальная заготовка, прежде чем превратиться в гибкий, изящный рельс. «Чушкой», «болванкой», в лучшем случае «штукой» зовут ее неуважительно, пока она еще не помыкалась под беспощадными валками блуминга. Но вот вырвалась из их объятий, гордо перенеся все страдания. Похудела, вытянулась. Теперь не назовешь ее какой-нибудь «чушкой». Блумс! Загадочное, прямо-таки из книги Грина, романтическое имя мужского рода — в награду за мужество. Блюмсу маяться в нагревательных печах, в трех подряд. Нагрев... Хорош нагревчик, когда тебя поджаривают, как в геенне огненной, до 1 300 градусов! И в этаком виде гонят дальше.

Стоим на переходном мостике, перекинутом над прокатным станом «900». Под нами скользит по рольгангу, обдавая жаром и ослепляя, раскаленный блумс. Опять ему под валки. И не раз. Даже не глядя вниз, я вижу, что там происходит. По лицам стоящих рядом со мной вижу. Вот порозовели, зарделись: то блумс озарил их, пролетая к клети. Потемнели, затенились: втянутый валками, брусок ушел на другую сторону. И снова жаркие солнечные блики легли на щеки и лбы экскурсантов: пылающий, мечущий с досады искры блумс вернулся на передний рольганг. Восемь раз ложатся на лица то свет, то тень. Восемь раз туда-сюда гоняют валки стального мученика, все утоняя и утоняя его. И лишь на девятый ему удается проскочить и уйти. Далеко ли? Вон на тот, на следующий, правда, теперь уже последний, уже завершающий прокатку стан.

Люблю постоять в прокатном, вдыхая в себя этот воздух, настоенный на огне и металле. Конечно, преклоняешься перед трудом сталеваров и доменщиков. Но таинства его скрыты от твоих глаз, когда стоишь около мартена или домны. Видишь только в смотровой глазок бушующее пламя.

И еще видишь клокочущую, бурлящую реку металла, когда пробивают летку. Остальное тайна. И в этом есть, может быть, своя прелесть. Но люблю прокатный за открытый нрав! За то, что все здесь доступно взору. Вся схватка человека с металлом на виду. Люблю глядеть на могучую работу валков! Люблю следить за железными «руками» кантователя, которые легко перекладывают с боку на бок тяжеленный стальной слиток. Вот так же и молодая мать, пеленая ребенка, то на спинку его положит, то на бочок и при этом еще подшлепнет ладошкой по мягкому месту. Пальцы ее нежны, осторожны, но крепко-крепко держат малыша — не выскользнет. Не выскользнет и слиток из «рук» кантователя, которые, кажется, едва-едва касаются его...

Но больше всего любуюсь я в прокатном человеческими руками. Теми, что лежат на рычагах. Руками оператора. Смотрю на эти сильные, цепкие, чуть темноватые в запястьях длани, которые все могут. Могут на полном ходу остановить валки. А могут и, не останавливая, заставить вращаться в другую сторону. Могут подхлестнуть рольганг, чтобы поторапливался. И железные «ладони» манипулятора, направляющие блумс в клеть, тоже им подвластны. Вся линия прокатки в этих сжимающих рычаги руках оператора. И они работают в стремительном, просто дух захватывающем темпе. Глядишь на них, и даже стыдно как-то за свои собственные, пребывающие сейчас в праздности руки.

— ...И не будет оператора...— прорывается вдруг сквозь гул машин голос нашего гида.

Кого не будет? Оператора? Властелина станов? Того, кто заступил место вальцовщика с его крючьями и ломиками? Оператора, который олицетворил собой технический прогресс в прокатном производстве? Наверно, я ослышался. Ну-ка, что он там еще говорит, парень из тайги? А он словно специально для меня:

— Многие любуются работой оператора. А это очень тяжелый труд, хотя и полегче, чем у вальцовщика. Жаром не обдает, не обжигает. Руками толкать заготовку не надо. Но и оператор, скажу вам, не в раю... Руки на рычагах и ноги на рычагах. Сорок тысяч движений за семь часов. Это не считая головы. Голова-то у него все время в ходу. В буквальном смысле. Циферблат нажимного аппарата вон где — над станом, валки — внизу. А глядеть надо и туда и сюда одновременно. Вот и кивает, вот и кивает... От рычагов не оторваться. Оператору даже обед в будку носят. Вон как раз буфетчица пришла. Молочко несут, бутерброды.

Совсем другими глазами гляжу я теперь на руки хозяина стана. Вот откуда на их запястьях темные полоски-морщинки: от постоянного движения кистей вверх и вниз, вверх и вниз — по ходу рычагов. Нелегко оператору. Да кто ж его может заменить? Автоматика? Но, насколько я разбираюсь, обычное автоматическое устройство в данном случае непригодно. Как, скажем, быть с верхним валком? Он ведь не только крутится, как нижний. Он еще и опускается после каждого прохода блумса. Суживает зазор. Чтобы все туже и туже обжимать блумс. И тут довольно сложная программа, разработанная калибровщиками. Всякий раз валок опускается на строго рассчитанное число миллиметров. После первого прохода оно такое-то, после второго — несколько иное, после третьего — третье. И так далее. Нельзя недожать, нельзя пережать. Чуть недобрал валок высоты или чуть проскочил невидимую черту — нарушение калибра. Вот за этим и следят глаза оператора по циферблату над станом. А глаза дают команду рукам, правой руке, управляющей рычагом машинного аппарата... Кто же заменит глаза, зорко наблюдающие за стрелкой? Кто заменит человеческий мозг, подсчитывающий расстояние, уже пройденное валком, и то, которое еще надо пройти? Кто заменит руку, то сильнее, то слабее нажимающую на рычаг?

Но что это? Вижу, как правая рука оператора отпустила рычаг, повисла в бездействии, потом, согнутая в локте, как бы «поразмыслив», куда ей деться, нехотя легла на колено, сползла, но к рычагу уже не вернулась. И голова оператора тоже перестала кивать. Что случилось? Вышел из строя нажимной аппарат? Но тогда и стан должен остановиться. Нельзя катать без нажимного. А катают! Вон летит по рольгангу очередной пышущий жаром, сияющий, как солнышко, блумс. И валки уже втягивают его, уже мнут...

— Счетно-решающее включилось!— кричит в ухо наш провожатый, и в голосе его восторг: — Кибернетика работает! Идемте, покажу...

И мы входим в святая святых автоматики, в комнату, где «кибернетика работает», творя в тиши великое свое дело. А тишина такая, что, попав сюда из шумного цеха, глохнешь от тишины... И невольно ступаешь на цыпочках, говоришь шепотом, хотя это и ни к чему: никого тут не спугнёшь. Вдоль стен щиты с какими-то черными коробочками, неоновыми лампочками, с гнездами, как на телефонном коммутаторе. Надписи: «Фотореле», «Программа», «Блок начала торможения», «Выходные усилители», «Арифметическое устройство», «Блок питания». Что здесь происходит?

В примитиве так. Счетно-решающее устройство получает информацию оттуда, со стана, в каком положении находится верхний валок. Сообщение поступает на языке электроники 50 раз в секунду! А на коммутаторе набрана цифрами программа расстояний, которые следует проделать валку за девять проходов блумса: девять рядов цифр — один под другим. И дело за «малым»: вычитывать из заданного расстояния пройденное. Иначе говоря, сверять информацию с программой. И как только они совпадут, как только результат вычитания сведется к нулю, мгновенно подать нажимному аппарату импульс на остановку, застопорить валок в его движении вниз.

Не знаю, смог ли я передать суть дела. Но не ясно ли, что счетно-решающая и одновременно управляющая машина взяла на себя функции, свойственные нашему мозгу: информироваться, сверять сведения, производить арифметические действия. И она делает это быстрее человеческой мысли, которая ее породила. Вот каков этот «оператор» — бездушный, но точный, гораздо точнее того, у которого душа и сердце. Тот — человек, у него — нервы, и, значит, он может ошибиться. Может рвануть рычаг сильнее, чем нужно, может не дотянуть. А его электронный заместитель не ошибется. На стане «900» с помощью вычислительного устройства прокатали уже 185 тысяч рельсов и балок. И ни одной осечки! Отдыхает теперь правая рука оператора. А у нее была самая большая нагрузка: 21 тысяча движений в смену. Осталось еще 19 тысяч — у левой руки и ног. Но скоро и этим труженикам на отдых!

Вычислительные, «думающие» машины принято, как телевизоры, наделять именами. Есть «Стрела», «Погода», «Кристалл», «Урал», «Киев». А эту надо бы назвать «Нижний Тагил». Она родилась здесь, на металлургическом комбинате, в центральной лаборатории автоматизации. Впрочем, это не совсем точно: машина рождалась год назад, а лаборатории всего четвертый месяц. А до этого была группа энтузиастов, «болельщиков» автоматики — семеро, которые и составили костяк этого своеобразного заводского маленького научно-исследовательского института. Но не такого уж и маленького: 100 человек.

Ох, и ершистый же собрался тут народ! Молодежь, недавнее студенчество... Никого старше 30 лет. Впрочем, начальнику тридцать один. И это уже перестарок.

— Стариков, значит, принципиально не пущаете? — пошутил я.

А мне кто-то на полном серьезе:

— Так они ж консерваторы, пожилые люди-то...

— А Николай Васильевич? Ему под пятьдесят...

— Так то ж Николай Васильевич!

Это про Бражникова, главного электрика комбината, или, как его называют, главного «автоматчика». Бражников — организатор лаборатории, научного, собственно, учреждения. Жаловался мне на судьбу: со студенческих лет мечтал о научной стезе и никак на ту стезю не мог выбраться. «Завод засосал».

— Николай Васильевич, но ведь у вас кандидатская?

— Это на отдыхе, между делом.

— И, кажется, готовитесь к докторской?

— Ну, ее еще надо защитить...

— А как с кафедрой?

— Приглашали в доценты. Раздумывал. Отказался. Не жалею. Великолепную ведь разворачиваем лабораторию. Дайте только срок. Найдется где поэкспериментировать...

Вокруг коммуниста Бражникова те, кто тянется к науке, к изыскательству. Года два назад один из начальников цехов пожаловался Николаю Васильевичу на своего инженера-электрика. Человек-де вялый, инертный. Хотя придраться вроде и не к чему. Все исполняет. Исполняет. Холодно, формально. А молодой, недавно из вуза. Потом пришел к Николаю Васильевичу и сам этот инженер. Принес заявление об уходе. «А вы куда собираетесь?» — спросил Бражников. Ответил уклончиво: «Не заниматься ж мне век рядовыми проверками реле». Разговор не получался. Бражников молчал. Молчал и посетитель, машинально перелистывая лежавшую на столе у Бражникова книгу. Вдруг его заинтересовали какие-то строки. Вчитался. Книга была про кибернетику. Сказал что-то по поводу прочитанного. Потом еще что-то прокомментировал. И Бражников сразу отметил в нем живость ума. Че-

Наладчик автоматики Николай Богданов.

ловек, оказывается, острый, наблюдательный, знающий. Проговорили допоздна. В тот вечер, можно сказать, и возникла идея вычислительного устройства на прокатном стане. Фамилия молодого инженера была Бондаренко.

Сижу в кабинете у начальника центральной лаборатории автоматики. Фамилия его Бондаренко. У Владимира Ивановича худое бледное лицо под густой шапкой волос, близорукий, рассеянный взгляд — типичная внешность ученого, книжника, которого трудно представить себе не за письменным столом. Но стол его, кстати, завален сейчас не книгами, а какими-то приборами, радиолампами, мотками проводов различных сечений. Начальник лаборатории выслушивает доклад заведующего сектором электроавтоматики Чистова о поездке в Москву. Чистов — небольшой, крепко сбитый, широкоскулый, похожий на боксера; его так и видишь на ринге, на борцовском ковре. Позже я узнал, что он и в самом деле самбист, кажется, перворазрядник. Сказал мне об этом друг и земляк Чистова, сотрудник его сектора Володя Терехов. Они играли когда-то в одной футбольной команде, учились в одном техникуме. Между прочим, жили в Европе, а бегали на занятия в Азию: граница между двумя частями света проходит в Орске по реке Уралу; техникум на правом берегу... После техникума они разъехались: Чистов — в Свердловск, в политехнический институт, Терехов — на Куйбышевгидрострой; встретились уже через несколько лет, случайно, вот здесь, на комбинате.

Чистов ездил в Москву в Академию наук. Выступал там с докладом, который готовили всей лабораторией. Доклад назывался «О первом опыте автоматизации нажимного механизма прокатного стана средствами вычислительной техники».

— Признали пионерство нашей системы...

У Чистова несколько книжный склад речи, который, я бы сказал, дисгармонирует с его внешностью. Объясняя мне, чем занимается сейчас его сектор, сказал:

— Пытаемся еще глубже проникнуть в области, подвластные уже чистой логике.

Услышав это, Бондаренко улыбнулся и пригласил меня в соседнюю комнату. Там такие же щиты с черными коробочками, лампами, коммутатором, как и в рельсобалочном...

— Вот что имел в виду Виллен Петрович... В доменном бывали? Вагон-весы видели? Те, что снабжают домну «продовольствием», шихтой? Ходит под бункерами, набирает руду в свои «карманы»: в левый, в правый. Набирает с толком, по определенному расчету. Столько-то одного материала, столько-то другого. Строгие пропорции! Прямо как в аптеке. Провизором — машинист, управляющий вагоном. Он следит за правильным набором шихты, развешивает ее на специальных весах тут же в вагоне. Ну, вы видели, не в белом он халате. Пыльная работа. Хоть человек и в застекленной кабине, но дай бог пылищи наглотается за смену. Вот это новое вычислительное устройство,— Бондаренко показал на щиты с автоматикой,— заменит машиниста. Оно будет «водить» вагон, решать, к какому бункеру подойти, сколько и какой шихты взять, да и в какой карман. Это даже, пожалуй, посложней, чем командовать нажимным механизмом в прокатке. «Думать» надо больше, считать, считать и считать. Примерно 50 тысяч арифметических задач предстоит решать за смену нашему «электронному машинисту». Ой, простите, он не электронный! Он полупроводниковый. Так что организм у него еще более тонкой конституции.

Пока стоим у щита, подходят еще несколько сотрудников лаборатории. Подходит и Володя Терехов. Он монтировал и налаживал счетно-решающее в прокатном. Ведет наладку и этого. Про Володю говорят, что у него как наладчика «абсолютный слух». Что ж, в этом ремесле есть что-то от настройщика пианино. Может, не случайно Терехов по второй своей профессии музыкант, преподаватель музыкального училища; ведет класс народных инструментов.

Стоим тесным кружком. От объяснений гости и хозяева перешли незаметно к своим внутренним делам. Мне не удается вникнуть в суть разговора, но чувствую: закипает спор. Народ здесь вспыльчивый. Один предложил иную схему какого-то узла. Другой возражает. И вот уже схлестнулись воображаемые шпаги, аж искры брызжут. Большинство на стороне второго спорщика. Ждут резюме начальника. Он краток:

— Под мальтийский крест!

И все смеются.

Я не в первый раз слышу это: «Под мальтийский крест!» История тут такая. Когда монтировали автоматику на стане «900», не вытанцовывалась какая-то схема. Там был «мальтийский крест» — особая шестеренка, названная так за схожесть с орденским крестом рыцарей, живших когда-то на Мальте. Шестеренкой этой, создающей вращение с остановками, часто пользуются в технике. Но в данном случае что-то с ней не получалось. Решение было простым и поэтому, конечно, гениальным: выбросить крест! Выбросили. И словно тугой воротник распахнули: дышать стало легче. Схема утряслась. И с тех пор, как только выясняется, что идея неудачна, ее коллективно хоронят «под мальтийский крест». Под ним вырос уже довольно солидный «холм»: молодежь щедра на идеи, но и безжалостна к ним...

Сколько дел впереди! Сколько еще будет удачных и неудачных идей. Лаборатория, ее люди в самом начале большого разбега... Вот те же вагон-весы. Это лишь первый «узелок» в комплексной автоматизации доменного производства. Вернее, второй. Первый показал мне начальник доменного цеха Герой Социалистического Труда Федор Александрович Хилькевич, ученик великого русского доменщика академика Михаила Александровича Павлова.

Мы вошли с Хилькевичем в пирометрическую домны. Неслышно работали приборы. Загорались и гасли лампочки. Скользило перо по листу миллиметровки. Шла тихая, молчаливая, ни на секунду не прекращающаяся слежка за домной: за каждым ее «вдохом», «выдохом», за каждым ее «движением». У стола сидел человек и записывал показания автоматических доносчиков.

— Газовщик! — шепнул мне Хилькевич.— Видели вы на других домнах, чтобы газовщик вот так сидел и писал? Беспокойнейшая должность! Все время в запарке. Все время к кауперам бегает. То к одному воздухонагревателю, то к другому, то к третьему. Это же «легкие» доменной печи. Без них нет ей жизни. И очень капризные «легкие». Газовщику с ними хлопот! Да и не один газовщик на домне — два. И еле-еле поспевают. А этот один остался и спокойненько сидит, пишет. Что ему еще делать? Автоматика приняла на себя основную его заботу — кауперы, нагрев воздуха. Это мы своими силами. Есть у нас два энтузиаста — Хрипко и Булыгин, электрики. И схему сами разработали и смонтировали сами... Так мы взяли первую позицию в наступлении на главную цель. Вторая — вагон-весы, автоматическая загрузка. К Пленуму ЦК партии пустим. Примемся тогда за главную цель. Что я имею в виду? Автоматическое управление самим доменным процессом, проникновение астоматики внутрь домны. Заветная, но совсем не близкая цель. Пойдем в атаку не одни и не только с Бондаренко и его людьми. Поддерживать атаку будут «УПИ», «ЦНИИКА», «УРМА» и «УНИИЧМ». Что это за богатыри? Могу расшифровать их полные имена. Но они займут у вас пол-листа в блокноте. Московские и уральские институты и лаборатории...

Выходим на перекидной мостик. Отсюда все домны видны. Эта — правофланговая. Нет, уже уступила это место. Рядом поднялась еще одна. Пусть покамест только кожух, без «начинки», но все-таки уже домна! Над ней заботливо, как бы прикрывая от бед, нагнул стрелу подъемный кран. Да-да, нагнул, хотя и сама домна не мала ростом — кран выше ее. Такие 75-тонные витязи никогда еще не работали на строительстве домен. Если бы не этот кранище, разве б собрать кожух за одиннадцать подъемов? Он брал огромные «банки» и легко ставил одну на другую: только поспевай сваривать!

— Спешат монтажники! — говорит Федор Александрович, оглядывая будущую свою подопечную.— Ох, как она, голубушка, нужна нам! Мы с ней семилетку — за шесть...

В эти дни всюду: в цехах, в отделах — услышишь слово «автоматика». Комбинат включен в число четырех опытных металлургических заводов, которые переводятся к концу семилетки на полную автоматизацию. Но долетело до меня разок и недоброе слово про автомат. Впрочем, не про автомат...

Это было в мартеновском цехе. Я шел туда, зная, что на печи № 14, которую обслуживает бригада коммунистического труда, установлен автомат, управляющий тепловым режимом,— «электронный сталевар». Прибор действительно замечательный. Родить его могла только большая наука. Это — осуществление давнишней мечты сталеваров. Но я видел, как бригадир, ведший плавку, подбежал к щиту и рванул на себя рукоятку. Выключил автоматику!

— Эх! — бросил он с горечью, убегая к печи.— Автоматизация называется!

Я подошел к приборам, и мне почудился голос автомата:

«Зачем вы меня поставили? Чтобы облегчить труд сталевара. Чтобы брать наибольшие съемы стали. Но я могу работать только на самых высоких режимах. Так я настроен. Иначе зачем я? При медленных темпах и без меня легко справиться. Я даже мешаю, когда печь «идет» тихо. Я плавлю — и подавай шихту, подавай чугун. А шихты нет, чугуна нет. Говорят, шихтовый двор не справляется, заливочных кранов не хватает. Я автомат. Я должен трудиться. А вы меня хотите сдержать, как коня на полном скаку. Вот сейчас и вовсе выключили. Нет, я согласен работать только при высокой организации производства. Это мой ультиматум!»

Но автомат тем и отличается от человека, что не умеет говорить. Автомат молчал. А человек, тот же сталевар, вбегавший в будку, сказал мне потом:

— Рассерчал я тогда. Обидно стало за автоматику. Нужно ей свободное, вольное дыхание, простор ей нужен...

Эти слова показались мне хорошими для того, чтобы прервать на них рассказ об автоматах.

Продолжение рассказа там, в цехах...

Автоматика работает!

В лаборатории автоматики. Слева направо: В. М. Терехов, Н. В. Бражников, В. И. Бондаренко, В. П. Чистов.

ДРУЗЬЯ, МУЗЫКА И КОФЕ...

Н. ХРАБРОВА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

— А сколько у нас денег?

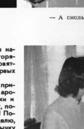
За круглым столиком.

По утрам таллинские улицы наполняются вкусным запахом горячего кофе и ванили — это готовятся к завтраку, к приему первых посетителей кафе.

Таллинские кафе! Кому из приезжих не запомнился их уют, ароматный кофе, теплые пирожки и булочки, такие, каких не пекут, пожалуй, нигде, кроме Таллина?! Поживет приезжий в городе неделю, и уже войдет у него в привычку вечером заглянуть в кафе, послушать музыку, стать участником общего веселья, отдыха. Нет в городе, наверное, ни одной семьи, которая хотя бы раз в неделю не зашла в «свое», непременно в «свое», кафе: позавтракать или поужинать, встретиться с друзьями и знакомыми, наконец, просто отдохнуть от кухни и домашних дел. В кафе принято ходить семьями, с друзьями, с невестой и просто в одиночку. Здесь люди не пьют горьких напитков. Соки или — в торжественных случаях — рюмку хорошего вина.

Словом, кафе — это одна из приятных таллинских традиций бог весть какой давности. Есть в городе башня с названием «Кик ин де кёк», что значит «Смотри в кухню». Говорят, что средневековые таможенники наблюдали через бойницы этой башни за коричневым дымком контрабандного жарящегося кофе,— вот с каких пор любят в Таллине этот напиток.

Уже в средние века, когда здесь проходил большой торговый путь «из варяг в греки», в тесных кофейнях грелись непривычные к холодным морским ветрам юркие

Кажется, сама весна забежала выпить чашечку кофе.

В обеденное время в «Старом Томасе» собираются журналисты.

Бабушка и внук обедают в «Старом Томасе».

Четыре шляпки...

Мамы и сыновья.

В кафе «Харью» завтракает актриса Бетти Куускемаа.

Это фото не требует специальной подписи.

Красиво оформлено кафе в городе Пярну архитектором Майму Плеес.

торговцы с юга, важные новгородские купцы в лисьих шубах заключали за кофе сделки с чопорными негоциантами ганзейских городов, и писцы, закоченевшие от долгого сидения в толстостенных каменных торговых домах, отогревали пальцы о горячие чашки.

Была в таллинских кафе и такая «эпоха», когда вход в них был недоступен простым смертным; здесь коротали скучное праздное время буржуазные дамы.

Зато такими, как теперь, — веселыми, уютными, с утра до вечера переполненными самым разным людом, — таллинские кафе не были еще никогда!

Их в городе много, и каждое имеет свои традиционные особенности. Например, крохотный «Гном» славится хорошим кофе, и, несмотря на тесноту, все постоянные посетители успевают отдать дань любимому напитку по нескольку раз в день: так быстро подают здесь. Но засиживаться и много разговаривать в «Гноме» не полагается: надо дать место другим. В деловой части города — там, где расположены учреждения, магазины, — посетителей принимают кафе «Пэрл», «Харью» и недавно открывшийся «Старый Томас», названный так в честь мифологического хранителя города, Старого Томаса. Усатый, вооруженный пикой, возвышается он над Таллином на шпиле ратуши. Кафе «Таллин» славится своими элегантными интерьерами; сюда приходят любители посидеть в уютных креслах, при мягком свете кремовых абажуров: обстановка здесь располагает к неторопливой беседе, к воспоминаниям. Но если вы хотите хорошо поесть, отдохнуть, поговорить с друзьями, отпраздновать свадьбу или день рождения, а то и просто посидеть в просторном, залитом солнцем зале и от души повеселиться, приходите в кафе «Москва»! Вы торопитесь? Так скажите об этом, и вас обслужат быстро. Если же вы давно не виделись со своими старинными друзьями по школе или бывшей работе и пришли с намерением несколько часов подряд восклицать: «А помнишь?», — к этому здесь отнесутся с уважением. В этом кафе работает старый мастер-кондитер Иоханнес Каллас, создатель знаменитых тортов «люкс», «вылу» (что значит «очарование»), слоеных пирожков с килькой и яйцом, пятнадцати сортов ароматных легких булочек, двадцати сортов пирожных.

Есть в Эстонии кафе студентов, художников, курортные и пляжные кафе, и всюду уютно, чисто, всюду вкусно готовят и всюду постоянно много народа.

Уважаемые товарищи из различных организаций общественного питания! Пройдитесь вместе с нами по эстонским кафе, посмотрите, как хорошо отдыхают в них советские люди, и откройте такие же в своих городах!

После прогулки — пить кофе в кафе «Таллин».

Клуб колхоза «Красная культура».

Олег ШМЕЛЕВ

ПОД ГОЛУБОЙ КРЫШЕЙ

Вполне возможно представить себе такой вот спор городского жителя с сельским.

Никогда не бывавший в деревне горожанин покровительственно говорит:

— Ну, у нас в городе, может, тоже не ахти какие возможности для развлечений, но все же я вам сочувствую, деревенским. Ну куда вы деваете то время, которое остается после работы? Накапливаете энергию?

Деревенский житель усмехается несколько смущенно, но отвечает в том же тоне:

— Конечно, в городе больше мест найдется, где время провести и повеселиться, да ведь не в одном том дело...

И если вместо этого воображаемого деревенского жителя разговор продолжит житель реально существующей деревни Аргамаково, Спасского района, Рязанской области, колхозный механизатор Иван Гордеев, то дальше он скажет:

— А у вас в городе есть такая Ока, как наша? А сады и березовые рощи, и луга с пестрыми травами, а пляска под гармошку, и девичьи хоровые песни? Небось, не очень много такого в городе!

И когда горожанин недоверчиво пожмет плечами, Ваня Гордеев может ему предложить:

— Приезжайте в Аргамаково, посмотрите, как мы проводим свое свободное время, может, понравится...

Долог рабочий день у колхозников в страдную пору, не восемь часов длится он, гораздо больше. И нелегок он. Не даром достается хлеб, не даром берутся у земли те миллионы, которые накапливают колхозники за год в своей артельной кассе. Конечно, зимой, в зимние дни и вечера, наверстается все, что было отнято у отдыха весной, летом и осенью. Но и сейчас, в страду, не все же время работать! Душа просит веселья, не дает забыть ни о песне, ни о пляске. И как бы ни намаялись девчата в поле, как ни натружены сильные руки у парней, а едва спустится вечер — на одном углу и на другом, и у клуба, и на краю деревни возле оврага заиграют гармоники, зазвенят девичьи звонкие голоса. Соберутся в круг молодые люди, грянет веселая, перченая бряночка, перепляс с припевками,— здесь даже тот, кто решил прочно дома сидеть, не вытерпит, выйдет.

Был в аргамаковском колхозе «Красная культура» обыкновенный клуб,— стал тесен. Новый клуб недавно поставили такой, что сгодится для любого города. Правда, сегодня он еще не совсем готов: внутренняя отделка не закончена,— но если бы и был готов, все равно в этот душистый теплый вечер вряд ли кто пойдет в помещение. Клубный зал на четыреста мест, его комнаты и кабинеты будут полны зимой, а сейчас, летом, лучше собираться вместе под голубой крышей — под открытым небом...

Шутит, колется, намекает, подзадоривает игривая бряночка. Вот вышла в круг курносая девушка, подмигнула гармонисту, прострочила каблуками затейливый узор и запела:

Мой залетка председатель —
лишь одно страдание:
то на пленум, на бюро,
то на заседание.

Председатель аргамаковского колхоза не обидится: не про него частушка. А и обидит-

Фото М. Савина.

Хор идет на репетицию.

ся — не беда: на то они и частушки. Автор их, Мария Ильинична Илюшкина, знает, о чем и как складывать. Она коренная рязанская и глаз имеет зоркий, а язык острый. Много ею сложено песен и частушек. Она их никогда не записывала, но однажды приезжал из города некий исследователь народного творчества — это после того, как колхозный аргамаковский хор прославился на Рязанщине своим участием во Всесоюзном смотре самодеятельности,— попросил Марию Ильиничну записать все, что она в силах была вспомнить. Мария Ильинична записала, получилась толстая тетрадка. Человек взял тетрадку, уехал, и по сию пору не дождется Мария Ильинична обратно своей рукописи. Видно, понравились исследователю невыдуманные строчки народного творчества...

Нет в круге, где вьется бряночка, Марии Ильиничны Илюшкиной. Но это не странно, ибо петь и плясать, скажем, в хоре ей, пожилой женщине, еще не зазорно, а вот в кругу молодых хороводить старшему человеку — это в деревне не принято. Странно другое: нет здесь двух молоденьких девушек, двух колхозных звеньевых — Любы Назаркиной и Маруси Филатовой. Где ж они?

А они в доме у Марии Ильиничны. У них появилась прекрасная тема для частушки. Надо протащить кое-кого, и уж лучше Марии Ильиничны этого никто не сделает. Постарайся только в лицах изобразить ей все, и Мария Ильинична к утру приготовит то, что нужно.

И утром, если это утро выходного дня, соберется колхозный хор на зеленой лужайке под высоким голубым небом, новая частушка облетит весь хор в один миг, и вот уже поют ее под общий смех...

Выходной день каждый проводит по-своему. Владимир Рыжов, например, устроился на ступеньке крыльца с сапожной «лапой» и молотком в руках. Возле него футбольные бутсы, требующие починки. Лето — футбольный сезон, и колхозная команда обязана хорошо подготовиться к встречам с соседями.

В саду у Ивана Яковлевича Илюшкина, за столиком, над которым переплелись раскидистые ветви яблонь, сидел сам хозяин сада, а против него расположился молодой парень — Иван Малахов. Шахматная партия в разгаре, и, судя по выражению лиц, белые оказались в большом затруднении...

Колхозный библиотекарь Нина Елисеева досконально знает вкусы своих абонентов: кто что любит читать, кто «глотает» книгу в один прием, а кто растягивает удовольствие на такой срок, что потом надо напоминать: «Побыстрее, книжку ждут другие!»

Самым большим любителем чтения Нина считает агротехника Алексея Матвеевича Захарова. Для нее не труд принести ему книгу прямо на дом, а старику приятно такое внимание...

Сколько дворов в деревне, столько занятий. Но одно объединяет всех жителей Аргамакова: у каждого сад. И разве много найдется на свете занятий, которые так скрашивали бы повседневность рабочих будней, как работа в саду? Настоенный на яблоневом цвете воздух, деловитое жужжание пчел, снопы яркого солнечного света меж деревьями — это способно развеять любое неважное настроение, снять любую усталость.

Удивительная тишина опускается под вечер на деревню. Даже ветер, весь день пробиравшийся своими извилистыми прихотливыми путями через ветви деревьев, через высокие травы,— даже он утихомиривается. В тот час, когда свет еще борется с ночью, но уже вот-вот готов сдаться, становится так тихо, что ухо явственно слышит музыку с парохода, который далеко уже ушел по Оке.

А потом, когда зажгутся звезды, опять молодежь выйдет на улицу, оставив своих старших дома — за беседой. И опять частушки и перепляс под открытым небом. А когда луна войдет в силу, разгорится, она осветит на высоком взгорье, откуда открывается необозримая даль, какую-нибудь парочку — парня с девушкой.

Отложена в сторону гармонь, сидят они, обнявшись, и долго будут так сидеть, пока не пропоют первые петухи. Проводит парень девушку, разойдутся они по домам, а всего через несколько часов солнце поднимет их: пора вставать, новый день пришел!

Леонид КРИВОЩЕКОВ

О ЧЕМ ТОСКУЕТ ГАРМОНЬ

Я не знаю,
Кто в этой беде виноват:
Не хватает
В целинных совхозах девчат.
И веселые парни
Грустят без подруг
Вечерами,
Когда собираются в круг.
Потанцуют друг с другом,
Покурят, споют,
Ну, еще вдоль поселка
С гармошкой пройдут,
А потом затоскуют
И смолкнут они,
Потому что одни,
Потому что одни.
Потому что их сверстницы,
Слушаясь мам,
Где-то сами грустят
По хорошим парням...
А в целинных совхозах
Так мало девчат,
Что они зазнаются,
Они нарасхват...
Это в шутку, а вправду —
Им нету цены,
Нашим славным хозяйкам
Большой целины:
Поварихам, портнихам,
Свинаркам и всем
Геронням полей,
Детсадов, птицеферм.
Им любовь и почет,
Женихи — на подбор,
Им зазнаться легко,—
Не о том разговор...
Есть закон у ребят
В этом крае степном:
Не ходить за одной
Ни втроем, ни вдвоем.
Лучше в звездную степь
За гармошкой уйти,
Далеко, далеко,
Без тропы, без пути...
Ой, девчата на Волге,
На дальнем Днепре,
Выходите послушать
На тихой заре,
Как вздыхает гармонь,
Возвращаясь домой,
Как ей больно одной,
Как ей горько одной,
Как зовет она вас,
Как ей хочется к вам!..
Вы не слушайте мам,
Вы не слушайте мам.
Вы прислушайтесь, девушки,
К вашим сердцам.
Приезжайте скорей
На большие дела,
Чтобы молодость ваша
Не зря отцвела,
Отцвела не геранью
На пыльном окне,
А садами
В бескрайней
Степной стороне.

Алма-Ата.

МАКИ

Или зорька заалела?
Или мне мерещится?
Маки справа, маки слева,
Море маков плещется.

Едем час, и — что такое? —
Сказка не кончается.
Только небо голубое,
Только мак качается.

Мак пылает, наступая
Майскими колоннами,
Словно кем-то
степь до края
Устлана знаменами.

Я не ждал такого чуда
Среди утра ясного.
Удивительно, откуда
Столько цвета красного?

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

БЕРЕЗЫ В ИНГУРИ

У речки-игруньи,
У горной глазури
Березы
в Ингури!
Березы
в Ингури!

Прозрачно и прямо,
Колонками в ряд,
Как портики храма,
Березы стоят.

Как после разлуки,
Я в рощу вхожу,
Раскидываю
руки
И до ночи
лежу.

Сумерки сгущаются...
Надо мной, белы,
Качаются, смещаются
Прозрачные стволы.

Вот так светло и прямо
По трассе круговой
Стоят прожекторами
Салюты над Москвой.

Люблю их невесомость,
Их высочайший строй.
Я проверяю совесть
Их белой чистотой.

Дрожащий свет столицы
Средь горных тубероз
На щеки мне ложится
Сиянием берез.

В ЛЕСУ

Лежат велосипеды
В лесу, в росе.
В березовых просветах
Блестит шоссе.

Попадали, припали
Крылом к крылу,
Педалями к педали,
Рулем к рулю.

Да разве их разбудишь —
Ну, хоть убей! —
Оцепенелых чудищ
В витках цепей?

Большие, изумленные,
Глядят с земли.
Над ними мгла зеленая,
Смола, шмели.

В шумящем изобилье
Ромашек, мят
Лежат. О них забыли.
И спят и спят.

Рисунки А. Орлова.

М. ЕРЕМЕЕВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Человеку, знающему Таганрог, трудно представить себе этот город без его щедрой зелени и высоких заводских труб, без многочисленных чеховских мест и памятника Петру над портом, без старинной каменной лестницы, ведущей к морю, и яхт-клуба в конце набережной. Таганрожцы любят свой клуб парусного спорта и дорожат им. Вот почему осенью 1941 года, накануне оккупации города гитлеровцами, спортивную флотилию вывели на рейд и пустили ко дну. Однако топили суда так, чтобы после освобождения их можно было поднять. И вот белые паруса над морем вместе с задымившимися трубами заводов возвестили о возрождении Таганрога.

В первый же послевоенный год в экипаж поднятой со дна яхты «Наяда» был зачислен паренек из ремесленного училища шестнадцатилетний Саша Ангелатов. Капитан «Наяды» инженер В. Потапов взял Сашу юнгой, подметив в нем привязанность к морю и большие спортивные задатки.

— Быть ему чемпионом! — усмехнулся Потапов, глядя, с каким рвением помогает малец ставить грот.

Капитан не ошибся. Ныне тридцатилетний токарь комбайнового завода Александр Ангелатов носит звание чемпиона Российской Федерации по гонкам на яхтах одного из самых высоких классов. Вместе с Александром звание чемпионов завоевали члены его экипажа и товарищи по работе электрик Евгений Колесников и столяр Леонид Твердов.

...Старушка «Наяда» отслужила все сроки. Мы выходим с Ангелатовым в море на новенькой яхте «Мир». Паруса взяли ветер. Он все сильнее упирается могучей рукой в треугольные выгнувшиеся полотнища, и легкое, изящное судно, чуть кренясь, заскользило по волнам.

Мы глубоко дышим свежим, насыщенным ароматами моря воздухом. Солоноватые брызги летят в лицо. И кажется уже, что не яхта, а люди окрылены ветром.

Хорош парусный спорт для отдыха! В Таганроге им занимаются люди всех возрастов. Малыши бродят в яхт-клубе за взрослыми и ноющими голосами просят взять их в море. И тут же спортсмены, которые годятся этим мальчуганам в деды.

Годы не снижают мастерства яхтсменов. Тех, кому за сорок, в парусном спорте не зовут снисходительно старичками, а именуют почтительно ветеранами. Каждый сезон таганрожцы проводят особую гонку ветеранов. Особую не для того, чтобы оградить ее участников от натиска молодежи, а скорее, наоборот, чтобы спасти престиж юности от уверенных атак самых опытных и умелых.

На старт этой интереснейшей гонки выходят яхтсмены, которых знает весь Таганрог. Тут первый учитель Ангелатова инженер В. Потапов и конструктор Н. Мельников. Тут дочерна прокопченные солнцем, высокие, прямые и седеющие братья Виктор и Петр Бессмертные, рабочие. Тут преподаватель Федор Иванович Марков, легко взбирающийся в свои шестьдесят лет на верхушку мачты. Тут и работник горкома партии Николай Яковлевич Прокопенко, троекратный чемпион РСФСР.

Подняв паруса яхт, они уйдут на дистанцию, и тысячи таганрожцев будут наблюдать с набережной за увлекательным состязанием. Участники гонки вернутся на берег и скажут:

— Славно сегодня отдохнули!

Хорошему яхтсмену многое надо уметь. Всю зиму работают курсы рулевых и капитанов. Там изучают устройство яхт и управление яхтой, лоцию и навигацию, штурманское искусство и средства связи, такелажные и судовые работы. Приходится быть и плотником, и маляром, и слесарем. Ремонт яхты выполняет сам экипаж.

Любят спортсмены плавания и автономные, на одной яхте, и эскадренные, то есть целыми флотилиями. Конечно, таганрожцы давным-давно обошли все порты Азовского моря, но плавали они и в Одессу, и в Херсон, и в Сухуми, и в Севастополь, а прошлым летом поднимались по Волго-Донскому каналу до Куйбышева. Нынче намечены плавания в Севастополь и «азовская кругосветка» — от Таганрога до Таганрога. Давно уже мечтают таганрожцы о путешествиях на яхтах к зарубежным друзьям — в Болгарию, в Румынию. Каждый поход — и великолепный отдых и серьезное спортивное испытание.

В эти летние благодатные дни в яхт-клубе особенно оживленно. На рейде и у причалов стоит больше шестидесяти судов, начиная от яхт международного класса — «Звездников» и «Драконов» — и кончая маленькими «Ершами», которые дают юношам. Парусным спортом занимаются сейчас в Таганроге пятьсот человек.

Всех волнует предстоящая матчевая встреча с яхтсменами Ростова, Жданова, Бердянска и Азова, которые должны прийти на яхтах в Таганрог. Выиграет ли нынче гонку Ангелатов? Окажутся ли на высоте Анна Васильева и Светлана Павлова? Не появилось ли новых соперников у Ивана Мехакова и Юрия Епифанова?

Чуть задует ветер, все спешат к яхтам. Нельзя терять времени. Пора начать тренировки.

Звенят якорные цепи. Поскрипывают тали, поднимая паруса. И вот они уже подняты, выгнулись, взяли ветер. Люди идут в море, подставляя лицо брызгам, дыша полной грудью, идут, чтобы снова чудесно отдохнуть.

— Вот как надо идти! — объясняет тренер, пользуясь моделями яхт.

В яхтклубе занимаются и гребцы.

Котельщик судоверфи Федор Петренко — отличный рулевой.

Яхты возвращаются с тренировки.

Ждут у моря погоды...

В буфете — наблюдательный пункт.

ЛУЧИ ОДНОГО СОЛНЦА

Рассказ

Мирза ИБРАГИМОВ

Рисунки А. ВАСИНА.

1

Насрулла-хан Мирасян, начальник полицейского участка городка Н., расположенного недалеко от озера Урмия, получил донесенче от своих тайных агентов, что десятого дня месяца ордибехешта какие-то люди задумали устроить собрание. Но где именно, никто точно сказать не мог. Один агент говорил, что смутьяны (в том, что это смутьяны, сомнений ни у кого не было) намерены собраться на склоне горы, среди кустарников.

— Нет, ага,— возражал другой,—скорей всего это будет городской сад.

Третий утверждал, что местом такого собрания явится какой-нибудь старый домик на окраине.

— Сукины дети! Пусть не впрок пойдет вам хлеб! — отчитывал Насрулла-хан своих агентов.— Мне нужны точные сведения, а не ваши гадания.

О цели собрания тоже никто не мог сказать Насрулле-хану ничего определенного.

— Из Ирака с тайным заданием перешел границу один коммунист, переодетый дервишем. Он намерен подорвать Иранское государство!..

— А-а, дервиш! — едва слышно произнес Насрулла-хан и многозначительно прищурил свои желтоватые глаза.— Оч-чень хорошо! Это оч-чень хорошо! — приговаривал он, с важностью покачивая своей продолговатой лысой головой.— Немедленно взять под наблюдение всех дервишей и тех, кто хоть немного смахивает на них!

Этот приказ Насрулла-хан отдал со всей решимостью, на какую был только способен (а способен он был на многое!). Ведь он получил особые указания, при этом несколько раз упоминалось слово «Ирак»... Звонил сам начальник жандармского управления из Тегерана. Он доверительно сообщил, что это не простые указания, а дражайшая воля, выраженная дражайшими устами самого Его Величества...

— Непрестанно быть начеку! — продолжал Насрулла-хан наставлять агентов.— Не спускать глаз с западной границы! Если даже голубь перелетит, задержать, проверить! Или с нами сделают то же, что с королем Фейсалом.

Весть о коммунисте-дервише несказанно обрадовала Насруллу-хана. В душе он молил аллаха, чтоб этот слух оказался правдой и чтобы ему, Насрулле-хану, удалось самолично задержать коммуниста.

— Верный мой слуга,—скажет тогда Его Величество,— что желаешь, говори,— я исполню.

Уж он не упустит такого случая, держись, капитан Лятифи!.. Он, Насрулла-хан, низко склонит голову и скажет:

— Ваше Величество! Ничего не желаю, Ваше Величество, кроме вашего здоровья, и пусть ослепнет тот, кто этого не желает...

— Как? Что?.. Кто должен ослепнуть? —спросит шах.

И вот тогда он даст понять Его Величеству, что капитан Лятифи, его старый враг, опаснее того коммуниста из Ирака в одежде дервиша... И уж тут-то он добьется своего: не миновать капитану переселения в иной, лучший мир...

Однако на третий день агенты сообщили Насрулле-хану, что допрос первого же задержанного ими дервиша оказался напрасным. Во-первых, сразу же было выяснено — об этом напомнил сам дервиш,— что десятое число месяца ордибехешта совпадает с Первым мая... Во-вторых... Впрочем, достаточно и первого. Ведь в этот день, то есть Первого мая, голь собирается везде и всюду, в Ираке и в Иране, и выражает друг другу сочувствие...

Насрулла-хан не на шутку встревожился: если собрание состоится, то вполне может статься, что не он капитана Лятифи, а капитан Лятифи его переселит в иной мир... Только сейчас Насрулла-хан вспомнил, что капитан Лятифи, эта старая полицейская лиса, сидит в жандармском управлении в Тегеране, и ему, Насрулле-хану, вдруг почудилось, что капитан не только видит его оттуда, за семьсот километров, но и читает все его мысли. Вот оно, его черное, словно закопченное лицо, еще больше почерневшее от злости!.. Капитан смотрит на Насруллу-хана и говорит:

— Знай свое место, Дадаш! Я камня на камне не оставлю от дома того, кто смеет на меня коситься!

Ему показалось даже, что он видит пожелтевшие от теряка редкие зубы капитана, делавшие его похожим больше на пса, чем на человека... Насруллу-хана начало трясти: да, если собрание состоится, капитан Лятифи вы-

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

бросит его, как кость, обглоданную собакой... Нет, он не ограничится этим, он схватит его за шиворот и швырнет за решетку... Он будет пить его кровь, черпая ее ложками.

Насрулла-хан вытер со лба холодный пот.

...А ведь счастье еще может улыбнуться Насрулле-хану, только б на самом деле иранскую границу перешел ну хоть какой-нибудь коммунист. Эта мысль была настолько заманчива, что Насрулла-хан не в силах был ее отогнать. «Если не перешел, надо сделать так, чтобы он обязательно это сделал!» — вдруг осенило начальника полиции. Он возвел к небу свои мясистые руки: «Аллах, помоги мне!»

И аллах помог ему в ту же ночь.

Насрулле-хану приснился седовласый старец. Он походил не то на пророка, не то на архангела Джебраила; у полицейского не хватило терпения до конца это выяснить. Он бросился в ноги старцу и возопил:

— Скажи, мудрейший, какую весть ты принес, да буду я твоей жертвой?

Старец ответил, что молитва Насруллы-хана услышана... Сегодня дервиш перешел границу и направился в Резайие. Надо быть начеку!

И когда на следующий день двое агентов сообщили ему о готовящемся майском собрании, Насрулла-хан перебил их и таинственно произнес:

— У меня есть точные сведения, что зачинщик всего этого — дервиш, явившийся из Ирака. Будьте настороже! — Он поднял указательный палец. — Дервиш!..

Третий агент, до сих пор молча наблюдавший за хозяином, в самом деле обладал тонким нюхом: он мгновенно улавливал мысли Насруллы-хана — не только по его словам, но и по малейшему движению рук. «Значит, надо найти дервиша-коммуниста! — на лету подхватил он идею шефа и не смог сдержать своего восхищения: — Клянусь единым богом, у него что ни слово, то пророчество!»

— Будь этот дервиш даже птицей в небе, мы обязаны его задержать,— заключил Насрулла-хан.— Бдительность и еще раз бдительность! Такого случая больше не будет.

И полицейские чиновники и агенты торжественно обещали изловить преступника...

2

На первый взгляд могло показаться, что в городе никто ничего не знает и что вообще ничего не произошло. Вовремя открывались и закрывались лавки; в час молитвы, как всегда, на минарете раздавался призывный азан, напоминающий правоверным об их священном долге; все так же носились по улицам машины и важно разъезжали фаэтоны; по-прежнему вились дымки над шашлычными...

Однако от внимательных глаз не могло укрыться, что все тут было то же и не совсем то. Весть об иракском коммунисте, так встревожившая начальника полицейского участка, быстро распространилась по городу. Знакомые, встречаясь на улице, осторожно оглядывались по сторонам, шептали друг другу на ухо:

— Говорят, из Ирака сюда пробрался коммунист, переодетый дервишем, и, говорят, он намерен убить его величество?!

Эта весть, передаваясь из уст в уста, дополнялась все новыми сведениями и подробностями.

— Слыхали? Иракские коммунисты с двух сторон совершили нападение на Иран: из Керманшаха и Азербайджана,— не сегодня-завтра займут Мехабад, Резайие и направятся в Табриз. Среди них много курдов.

Услышав о курдах, Насрулла-хан, подобно многим своим собратьям по ремеслу, побледнел. Он хорошо знал о свободолюбии этого народа, об особой его ненависти к жандармам. «Однако ведь нам хорошо известно, что на границах тихо», — успокоил он сам себя и снова начал думать о дервише...

Наконец, в городке Н. действительно появился какой-то неизвестный человек... Но, к великому огорчению Насруллы-хана, прибыл он, как выяснилось, не из Ирака, а... из Табриза. Это был учитель Азад, один из членов азербайджанской демократической партии, прошедший суровую двенадцатилетнюю школу революционного подполья...

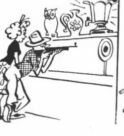
В период подъема демократического движения в Южном Азербайджане, когда власть находилась в руках демократов, Азад не вступал в партию. Он придерживался позиции нейтралитета. Еще многие вопросы были ему неясны, страстные призывные речи Пишевари вызывали у него недоверие. Действительно ли он и его партия желают свободы и независимости Азербайджану, сумеют ли повести народ к прогрессу и счастью? Азад видел, что демократы открыли множество школ, что в Табризе создан университет, что в городах одна за другой появляются новые фабрики. Все это было хорошо, Азад не мог не радоваться этому... И все же окончательный ответ на все свои сомнения Азад получил тогда, когда он воочию увидел, как иранские войска, вооруженные американским и английским оружием, убивали беззащитных крестьян, рабочих и интеллигентов. На глазах у Азада однажды по улице провели, подгоняя прикладами, толпу раздетых догола женщин — седых матерей, юных девушек...

В тот день, когда в Табризе был повешен революционер Фиридун Ибрагими, Азад поклялся вступить в партию и с того дня стал ее стойким борцом, крепко верящим в побе-

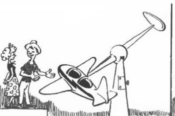
ОДНАЖДЫ В ВЫХОДНОЙ...

ду, в то, что свобода наконец восторжествует на многострадальной родине...

Азад приехал в этот городок, чтобы вместе с рабочими и служащими спичечной и кожевенной фабрик провести празднование Первого мая. Надежные люди встретили его и тотчас же ознакомили с обстановкой, не преминув рассказать и о слухах насчет иракского коммуниста-дервиша. Азад провел рукой по седеющим волосам и, разгладив усы, улыбнулся:

— Ужаленный змеей боится веревки! Тень короля Фейсала не дает спать властителям. Да и если сказать по совести, им действительно не до сна. Наступили беспокойные времена, не хотят больше люди терпеть тяжесть колониального рабства. Баста!.. Это тот камень преткновения, друзья, на котором остановилась история, и он должен быть сметен с ее пути... Вот сегодня Ирак сбросил цепи, завтра другая страна разорвет их. Разве тело иранского народа не покрылось ранами от цепей? — Азад разволновался. Ему было все труднее сдерживать себя, кровь прилила к лицу, глаза потемнели.— Придет время, фарсы, курды, азербайджанцы порвут эти ужасные цепи и выберутся наконец из болота на свежий воздух! Вот это-то и пугает наших правителей! Свет, озаривший Ирак, завтра согреет нас, послезавтра — других. Знайте, что мы бойцы единой армии, лучи одного солнца!

— Никак не могу понять,— горячился молодой рабочий с умными, проницательными глазами.—Правительство шахиншаха бездарно; это всем ясно, хотя трудно порой поверить собственным глазам и ушам. Как эти тупоголовые вместе с их прихвостнями, вроде Насруллы-хана, могут стоять во главе такой большой страны?!

— Э, милый,— вступил в разговор пожилой рабочий,— есть люди, которым это выгодно... Наше государство напоминает прогнившее изнутри дерево: за корой его, в стволе, свили множество гнезд вредоносные насекомые...

Кто-то сообщил:

— Насрулла-хан наконец задержал какого-то дервиша. Говорят, его силой вынуждают признаться, что он иракский коммунист.

Эта новость заставила Азада задуматься.

— Кто этот несчастный, попавший им в руки? Что они сейчас с ним делают?..

— На базаре судачат, что это какой-то безумец, изможденный, заросший бородой. Говорят, он только вчера приехал из села Йонджалыг. Он только и делает, что вопит: «Ай, Али»!

— Что ж, друзья, пусть Насрулла-хан занимается этим дервишем, а мы тем временем займемся своими делами,— сказал Азад.— Но помните, надо действовать осмотрительно. Открытой демонстрации устраивать не будем. Но десятого ордибехешта, когда фабрики закончат работу, все, будто на прогулку, должны выйти в городской сад и на главную улицу. Пусть это будет наша первая демонстрация солидарности и единства!

3

Насрулла-хан был очень доволен: дервиш пойман, и начальник полицейского участка сразу дал знать об этом в Тегеран, сообщив о личности и тайных планах коммуниста из Ирака. В эти дни Насрулла-хан, как никогда, был серьезен и преисполнен сознания, что на его долю выпала великая миссия.

Правда, один из агентов попытался смутить своего начальника, заявив ему, что арестованный — непроходимый глупец. Но Насрулла-хан только расхохотался:

— Ты, оказывается, совсем простак! Пойми, ведь это старый прием преступников — прикидываться глупцами или сумасшедшими... Бейте его, бейте, пока не подпишет собственный приговор!..

Таким путем были добыты нужные сведения. В тот же день Насрулла-хан получил телеграмму от начальника жандармского управления: «Немедленно пришлите дервиша. Ввиду большой государственной важности дела следствие будет вестись в Тегеране».

Выполнив этот приказ, Насрулла-хан, мучась нетерпением, стал ожидать, когда же его вызовут в столицу, там он, разумеется, будет награжден и осыпан всякими милостями. Вот тогда-то он наконец воздаст должное капитану Лятифи!..

Десятого ордибехешта Насрулла-хан расхаживал в своем большом, просторном кабинете, то и дело поглядывая в окно. К вечеру улица вдруг стала быстро заполняться народом.

— Что случилось, что за толпа? — спросил начальник участка, вызвав к себе одного из своих сотрудников.

— Ничего особенного, ага, голь вышла на майский праздник.

Насрулла-хан только было раскрыл рот, чтобы крикнуть: «Какой еще к чертям праздник!»,— но... в это время открылась дверь и в кабинет вошел очень высокий и худой капитан Лятифи с двумя сотрудниками жандармского управления и посмотрел на своего подчиненного так, как смотрит голодный волк на отбившуюся от стада овцу. Насрулла-хан хотел встать, протянуть вошедшим руку, но продолжал сидеть, словно пригвожденный, и только моргал глазами, то ли от удивления, то ли от ужаса.

— Хорошего же ты коммуниста изловил,— сказал капитан с замораживающим спокойствием.— Больше в области не было сумасшедших? Прислал бы их целую машину, это произвело бы еще большее впечатление!

Он подошел вплотную к Насрулле-хану и заглянул ему прямо в глаза:

— И с майским праздником поздравляю, встань-ка, выгляни в окно!..

Насрулла-хан шевельнулся было, сделал отчаянное усилие, но не то что встать — и приподняться не смог. Голова его беспомощно упала на плечо, весь он как-то сжался в комок, но тут же вдруг резко выпрямился... и сник...

Полицейское сердце не выдержало...

А толпа на улице все росла и росла.

Перевел с азербайджанского
В. БОГУСЛАВСКИЙ

ОДНАЖДЫ В ВЫХОДНОЙ...

РУССКАЯ ЭСКАДРА В НЬЮ-ЙОРКЕ

В. ВАЙНШТОК,
Л. РУБИНШТЕЙН

В 1933 году, когда Соединенные Штаты признали Советский Союз, президент США Ф. Д. Рузвельт говорил, что длительный перерыв в дипломатических отношениях был ненормальным и «нарушил счастливую традицию дружбы, которая существовала между Россией и Америкой более столетия, ко взаимной пользе обеих стран». Американский историк Дж. Фримэн, комментируя эти слова, заметил, что «каждый американец всегда интересовался, можно ли наладить отношения с Россией в будущем. «Счастливые традиции» прошлого можно, по желанию, вспомнить или забыть, но было бы глупо думать о будущем, не вспоминая прошлого».

Вспомним один из эпизодов, относящийся к счастливым традициям прошлого.

...Осенью 1863 года через северную часть Атлантического океана шла кильватерным строем эскадра с потушенными огнями. Черные корабли казались безлюдными, и только густой дым из труб и пенистая дорожка за кормой говорили о том, что эскадра спешит. Курс: зюйд-вест; ни голосов, ни звука склянок — корабли как бы неслышно летели над волнами. Британские патрульные суда, тщательно охранявшие океан к северу от Англии, не заметили ничего, и только многократный пушечный салют 25 сентября 1863 года известил весь мир о том, что в бухту Нью-Йорка впервые в истории прибыла русская эскадра.

Почти в то же время в бухту Сан-Франциско вошла другая эскадра под русским флагом.

Это было в разгар гражданской войны между северными и южными штатами Америки. Европейские газеты немедленно подняли шум о «таинственном и необыкновенном союзе между Россией и Америкой». Появление русских судов за тысячи миль от России, в американских водах, расценивалось как «загадочная» и прямая помощь России демократическому Северу против рабовладельческого Юга.

С самого начала гражданской войны Англия и Франция активно поддерживали мятежников-южан. На английских верфях были спущены и переданы Югу два корабля: «Алабама» и «Флорида». Два хорошо вооруженных морских хищника должны были причинить немало бедствий торговому и военному флоту США. Из Англии и Франции текли в южные штаты оружие, боеприпасы, деньги. Ослабление и раскол Америки были выгодны для западноевропейских держав. Считалось, что дело Севера почти проиграно. Рядом с Соединенными Штатами возникли новые, «Конфедеративные Штаты». Рядом со звездно-полосатым флагом США поднялся ввысь звездно-крестовый флаг плантаторского Юга.

Россия решительно отклонила предложение Англии и Франции вмешаться в американские дела. Когда над США нависла угроза прямой интервенции, президент Авраам Линкольн обратился к России с просьбой о помощи.

Канцлер А. М. Горчаков серьезно беспокоился о судьбе северных штатов, которые фактически оказались «между молотом и наковальней». Горчаков неоднократно и категорически возражал против вмешательства во внутренние дела США. В письме от 9 января 1862 года к русскому послу в США барону Стеклю канцлер писал:

«Американская нация явила доказательство политической честности, которая дает ей несомненное право на уважение и признательность всех правительств, заинтересованных в том, чтобы соблюден был мир на море, а начала права восторжествовали бы над силой в международных отношениях, для спокойствия вселенной, прогресса цивилизации и блага человечества».

В другом письме, полученном Стеклем от Горчакова, говорилось:

«Обе наши страны, поставленные на оконечностях обоих полушарий, обе в цветущем периоде своего развития, кажутся призванными к естественной общности взаимных интересов и сочувствий, обоюдные доказательства которых ими представлены».

При посылке эскадр русское правительство руководствовалось и соображениями возможной войны между Россией и западноевропейскими державами, назревавшей в результате резкого обострения политических противоречий в Европе.

За несколько месяцев до похода русских эскадр Горчаков принял у себя в кабинете молодого дипломата, американского поверенного в делах Баярда Тэйлора.

Американский историк Дж. Робертсон приводит следующие слова русского канцлера:

«...Только Россия с самого начала поддерживала вас и впредь будет поддерживать... Можете положиться на то, что она не изменит своей позиции. Но мы просим вас разделаться с затруднениями. Не могу выразить вам, как глубоко наше беспокойство, как серьезны наши опасения».

Тэйлор горячо поблагодарил Горчакова. Величественный старик, последний из лицейских товарищей Пушкина, изведавший «фортуны блеск холодный», крепко пожал руку молодого американца и произнес: «Да хранит вас бог!»...

Русские эскадры под командой контр-адмиралов Лесовского и Попова были посланы за океан. Это было сделано летом 1863 года, когда в Нью-Йорке появились английские и французские эскадры, снаряженные для высадки десанта и имевшие на борту около пяти тысяч моряков.

В книге «40 лет в Конгрессе», изданной в Вашингтоне в 1890 году, американский государственный деятель Джемс А. Блэйн, имея в виду Россию, писал:

«В то время среди великих держав мира только одна проявила активную дружбу к нам».

Ту же мысль высказывает и современный американский историк Дж. Стимпсон:

«Считалось общепризнанным, что русские находятся в США затем, чтобы англичане и французы держали руки прочь от США, в то время, когда Штаты сражаются за свое существование».

На стороне американской демократии того времени были и все прогрессивные слои русского общества. Н. Г. Чернышевский и другие революционные демократы решительно осуждали мятеж плантаторов и высказывались за поддержку северян. Чернышевский писал:

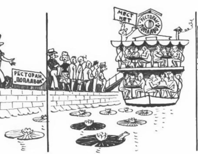
«Никакие частные выигрыши не спасут теперь Юг от необходимости смириться, и он будет побежден, если тайные партизаны плантаторов в Нью-Йорке и Вашингтоне не успеют склонить северного правительства к уступкам, которые теперь уже были бы очевидною ошибкою».

«Тайные партизаны плантаторов» — это так называемые «мирные демократы», которые не щадили сил для того, чтобы воспрепятствовать победе Севера, достигнуть компромисса, сохраняющего рабство, и спровоцировать войну с Англией.

Эта «пятая колонна» южан доходила до организации бунтов и заговора в тылу, до покушений на жизнь президента Авраама Линкольна. Народ прозвал этих заговорщиков «медянками», имея в виду самую опасную породу ядовитых змей. Впоследствии Линкольн пал от руки их агента. Было

ОДНАЖДЫ В ВЫХОДНОЙ...

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Командующий русской эскадрой контр-адмирал С. С. Лесовский.

тайно условлено, что во время наступления армии южан на Вашингтон «медянки» поднимут бунт в Нью-Йорке, Балтиморе, Кливленде и Чикаго, захватят в Вашингтоне правительство Линкольна и передадут управление плантаторам.

Первая попытка поднять восстание в Нью-Йорке состоялась еще в июне 1863 года, но провалилась. Однако заговорщики не смирились. Дальнейшие их надежды были, видимо, основаны на ожидаемой иностранной интервенции.

Эскадра Лесовского снялась с якоря в Кронштадте 29 июля 1863 года. В ее состав входили три фрегата, два корвета и один клипер. Тайна обеих экспедиций была обеспечена тем, что о назначении ее знали только начальники эскадр. Командирам судов было сообщено об этом лишь перед выходом, когда уже не предполагалось заходить в какие-либо порты и когда надо было дать им возможность действовать самостоятельно в случае возможного разлучения судов.

Появление русских военных кораблей в Нью-Йорке нанесло тяжелый удар по планам «медянок».

Русская эскадра была восторженно встречена жителями Нью-Йорка. В самой распространенной в Америке газете «Нью-Йорк геральд» появились такие заголовки:

«Американский союз с Россией против Франции и Англии».

«Предначертанная судьба Америки и России».

«Низость западноевропейских держав».

В «Астор-хаузе» состоялись три банкета в честь русских офицеров. 25 октября в здании Музыкальной академии был дан «бриллиантовый» бал, где нью-йоркские дамы блистали своими драгоценностями. На этом балу присутствовал скромный гардемарин с клипера «Алмаз» Н. А. Римский-Корсаков, в будущем знаменитый композитор.

«Нашу эскадру приняли здесь дружелюбно, — писал он родным, — даже до крайности... В военном платье на берег и показаться нельзя: не ты будешь смотреть, а на тебя будут. Будут подходить (даже дамы) с изъявлением своего уважения к русским и удовольствия, что они находятся в Нью-Йорке...»

Перед подъездом гостиницы, в которой жил С. С. Лесовский, непрерывно толпились солдаты, матросы, портовые рабочие. Однажды, когда к гостинице подошла процессия с оркестром и флагами обеих стран, Лесовский вышел на балкон и произнес на английском языке речь, в которой благодарил за гостеприимство. «Я убежден, — сказал адмирал, — что мои чувства разделяются моими офицерами, командирами и всем великим русским народом».

Русские корабли посетили также Александрию — аванпорт Вашингтона, где С. С. Лесовский принял у себя на борту государственного секретаря США Сьюарда и жену президента Линкольна. Сам президент был в это время болен.

Предполагаемая высадка англо-французского десанта в Нью-Йорке оказалась фактически невозможной.

В это же время эскадра Попова охраняла бухту Сан-Франциско.

Русские эскадры находились в Америке около девяти месяцев. За этот срок северяне одержали решающие победы над войсками Юга. В ходе войны наступил явный перелом в пользу Севера. Об иностранной интервенции уже не могло быть и речи. Посетив несколько американских портов, русская эскадра стала готовиться к возвращению на родину. Мэр города Бостона при отбытии эскадры сказал:

«Русская эскадра не привезла к нам с собою ни оружия, ни боевых снарядов для подавления восстания: мы в них и не нуждаемся; но она принесла с собою нечто большее: чувство международного братства, свое нравственное содействие».

...Вспоминая свою поездку в США в 1939 году, адмирал флота И. С. Исаков рассказал, как американский вице-адмирал Боуэн, встречая советскую военно-морскую делегацию, произнес тост за «вторичное дружественное прибытие в Нью-Йорк русских моряков». Боуэн закончил свою речь следующей фразой:

«Пусть политики говорят, что им угодно, а мы, американские моряки, никогда не забудем помощи русского флота в войне за свободу Америки».

В октябре 1958 года в Нью-Йорке вышла книга Д. Пирсона и Д. Андерсона «США — второразрядная держава?», в которой авторы пишут:

«...Россия и Соединенные Штаты были союзниками в двух великих войнах, никогда не противостояли друг другу в какой-либо крупной войне и в течение ста лет наслаждались периодом дружественного сотрудничества, в течение которого русский флот один раз защищал Сан-Франциско и Нью-Йорк от угрозы со стороны британского флота. Большинство историков пренебрегли этой решающей главой в истории гражданской войны.

...Так, благодаря союзу с Россией Север выдержал самый решающий год гражданской войны. Без такого союза Соединенные Штаты могли бы сегодня, вероятно, находиться под властью двух отдельных правительств».

По возвращении на родину русские моряки были приглашены в американскую миссию, где посланник США в России генерал К. Клей в своей речи сказал следующее:

«...Россия, великая держава Востока, и Соединенные Штаты, великая держава Запада, не имея противоположных интересов, должны руководствоваться законами сближения... Из разности форм правления не следует еще антагонизма... С часа нашего рождения, как наций, мы всегда были друзьями. Это было в наших общих интересах».

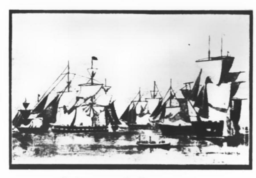
В тот же день на борту фрегата «Ослябя» в Кронштадте был дан банкет. Выступая на этом банкете, контр-адмирал С. С. Лесовский сказал:

«Господа, я хотел бы, чтоб вы все присоединились ко мне и воздали честь имени, обладатель которого сделал его бессмертным, выказав при этом высокую душевную стойкость в борьбе с общественными предрассудками и проявив высочайшую гуманность в деле освобождения рабов, — имени его превосходительства Авраама Линкольна, президента Соединенных Штатов Америки!..»

С большой речью выступил секретарь американской миссии Генри Берг:

...«Между нами существует дружба, не омраченная никакими дурными воспоминаниями. Она будет продолжаться при соблюдении твердого правила — не вмешиваться во внутренние дела друг друга...

И тогда больше никто не увидит горящих городов и опустошенных полей, так хорошо нам знакомых сегодня, никто не услышит предсмертных криков жертв эгоистической и жестокой политики; словом, господа, весь мир поймет, в чем заключается «таинственный союз», существующий между Россией и Америкой»...

Русская эскадра в Нью-Йоркском порту.

SEQUEL
THE LATE VISIT
RUSSIAN FLEET TO THE UNITED STATES,

АМЕРИКАНЦЫ ВЪ РОССІИ
И
РУССКІЕ ВЪ АМЕРИКѢ.
ПРАЗДНЕСТВА И РѢЧИ
АМЕРИКАНЦЕВЪ И РУССКИХЪ
въ Ньюйоркѣ
Петербургѣ
Москвѣ
Нижн. Новгородѣ
Костромѣ

Обложки книг, изданных в России в связи с визитом русских эскадр в Соединенные Штаты.

Традиция русско-американского сотрудничества сохранялась еще долго. Не раз американские историки указывали, что в эпоху гражданской войны между Севером и Югом Россия была единственным другом правительства Линкольна. Лучшие представители американской культуры всегда высоко ценили дружественные отношения между народами России и Америки. Великий поэт Уолт Уитмен в связи с выходом на русском языке его книги «Листья травы» писал:

«Мне надлежит ликовать, что меня услышат, что со мною войдут в эмоциональный контакт великие народы России. Этим народам... я шлю сердечный салют с наших берегов от имени Америки».

Теодор Драйзер подчеркивал необходимость сближения между СССР и США:

«Если бы Вашингтон, Джефферсон или Линкольн были живы сейчас, они бы дружили с Россией».

Известный американский промышленник Сайрус Итон в ноябре 1958 года на приеме в Экономическом клубе процитировал заявление Н. С. Хрущева: «Советский Союз и Соединенные Штаты — это две самые могущественные страны в мире. Если эти две страны смогут достигнуть взаимопонимания, остальные мировые проблемы решатся сами собой».

Фельетон

М. СЕМЕНОВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Прежде чем приступить к широкому публичному опросу, я решил провентилировать проблему отдыха в тесном семейном кругу.

— Умеете ли вы отдыхать? — спросил я своих домочадцев.

Ответы были разные.

— Вместо того, чтобы задавать такой глупый вопрос, — ответила жена, — достал бы лучше путевку в Крым. Который год обещаешь!

Сын-восьмиклассник сказал:

— Обеспечьте мне на лето два киносеанса в неделю, а об остальном не беспокойтесь. Со скуки не умру!

Дочь, только что окончившая четвертый класс, как всегда, была обстоятельна.

— Вопрос задан очень кстати, — заявила она. — У нас завтра как раз коллективная прогулка с целью укрепления здоровья и отдыха. Прошу к утру подготовить все необходимое по этому списку.

И вручила вырванный из тетради лист, на котором значилось:

«Список предметов

Спортивная форма	— 1
Клеенка	— 1
Яйца вар.	— 2
Котлеты жар.	— 2—3
Кефир	— 1 бут.
Вода фрукт.	— 2 бут.
Сыр	— 100 гр.
Рюкзак	— 1
Колбаса	— 200 гр.
Картофель вар.	— 5 шт.
Картофель сыр.	— 2 шт.
Лук	— 1 шт.
Хлеб	— 1 бул. за 65 коп.

Соль, сахар, полотенце, кружка, ложка».

— На сколько дней рассчитан поход? — спросил я, ознакомившись со списком.

— Когда моряк отправляется в плавание, — ответила за дочь жена, — по меньшей мере бестактно спрашивать его о дне возвращения в порт. Стихия слепа, она может жестоко посмеяться над любыми расчетами людей. Но относительно списка все-таки нам надо побеспокоиться: его составляли всем классом. По «Памятке вожатого».

Утро выдалось чудесное, и поход состоялся. Отряд прошел четыре километра вдоль шоссе, устроил привал у дорожной будки и вернулся автобусом. На этот раз стихия оказалась разумной. Дочь принесла пустой рюкзак и сочиненный в походе стих:

Простор. Кругом простор.
И вдруг пред нами встал
сосновый бор.
А за сосновым бором
Река неслася прямо с гор.
Из речки вытекла вода.
Вот это да!

Я представил себе, как сплоченный коллектив юных путешественников на виду у проносящихся по шоссе самосвалов уничтожал указанные в списке «вар.», «жар.» и сыр.» продукты, и невольно подумал: «Вот это да!»

Но короткий эпизод этот подтвердил мою правоту: вопрос о том, умеем ли мы отдыхать, отнюдь не праздный...

Вспоминаю нескольких неумелых отдыхающих.

Первого я встретил еще до войны в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Было жаркое августовское воскресенье, а он в унтах, теплой куртке и шапке из шкуры молодого тюлененка стоял у киоска и что-то покупал. «Полярник!» — с уважением подумал я о нем и увидел в его руках колбасу, консервы и бутылку водки.

Из парка я возвращался поздним вечером и снова увидел полярника. Он спал беспробудным сном здесь же, около киоска, расположенного в тридцати метрах от ворот парка. За весь долгий летний день мой полярник дальше тридцати метров так и не продвинулся.

Позднее я не раз встречал духовных единомышленников этого полярника. Со словом «отдых» у подобного рода милых граждан ассоциируется возможность беспрепятственно напиваться. Это они прозвали расположенный неподалеку от санатория винно-водочный магазин Шестым корпусом. Это благодаря их изобретательному уму кафе «Отдых», где вместе с нарзаном подается и коньяк, получило игривое имя «Рваные паруса». Если поблизости от дома отдыха нет подходящей торговой точки, то тогда они перед обедом прогуливаются на железнодорожную станцию «узнать расписание». И, выяснив у буфетной стойки, что поезда по-прежнему идут регулярно, возвращаются в таком состоянии, что из всех выработанных народной медициной лекарств на них безошибочно действует только одно — огуречный рассол.

Но об этой категории людей, не столь уж распространенной, упомянем вскользь.

Есть другая категория отдыхающих, так называемые путевочники.

Для них слово «путевка» обладает магическим свойством. Как только подходит время отпуска, одна и та же мучительная мысль сверлит их мозг: «Где бы достать путевку?»

Безотносительно какую. В санаторий для людей, страдающих повышенной кислотностью. В кумысолечебницу. В дом отдыха матери и ребенка. На курорт «Грязи».

Я видел такую путевочницу в санатории имени Орджоникидзе в Кисловодске. Она прибыла на Кавказ из далекой Башкирии, с нефтяного промысла, где работала счетоводом. Может быть, ей исполнился двадцать один год, а может быть, и девятнадцать. Это молодое розовощекое существо явилось злым гением для медицинского персонала санатория.

Она побывала у всех санаторных специалистов. Через каждые два дня у нее исследовали кровь. Брали на анализ желудочный сок. Несколько раз измеряли и взвешивали. На три дня клали в изолятор. И никак не могли установить диагноз ее заболевания!

Но больной без диагноза — это парадокс, это явный брак в работе лечебного учреждения, это откровенный скандал. Два раза бесплодно заседал консилиум. Выручил внештатный консультант, курортный светила, который за трехминутный разговор с больным брал с санатория по сто целковых. Он написал в курортной книжке счетовода с кудряшками одно слово — «переутомление».

Так разрешился острый кризис, вызванный лишь одним обстоятельством: больная, прибывшая в санаторий из Башкирии, была катастрофически здорова!

Бедные эскулапы наших бесчисленных и в большинстве своем замечательных здравниц! Сколько хлопот доставляют им такие вот «путевочники» и «путевочницы»!

О «дикарях» уже писалось. Говорят, даже есть пьеса под таким названием. Но об одном хочется рассказать.

Мимо заправочной станции на шоссе Москва—Симферополь промчался «Москвич», за рулем которого сидел такой толстый человек, что занимал все переднее сиденье.

Необыкновенный автомобилист вызвал комментарии у двух дедов, стоявших на обочине.

— Смотри, Митрич, такой толстенный, а тоже на курорт устремился!

— Ты не гляди, что толстый, может, он больной. Как наш пан, царство ему небесное.

— А что пан?

— Пошибче был этого гражданина. А поехал в Германию и вылечился. Выдал ему германский доктор цидулку такую и велел в соседнем городе каждый день печать ставить. А до того города двадцать шесть верст. И те версты все пешим порядком. Вылечился пан, тонюсенький стал.

Собеседник Митрича подумал и потом сказал:

— А зачем этот неразумный пан в Германию ездил? Разве ж у нас в волости ему мало было места, где ходить?

Панов у нас давно нет, а вот неразумные люди остались, которым мало места в своей «волости», чтобы ходить, бегать, плавать, и которые, хоть ты им кол на голове теши, единственным местом отдыха признают только Крым или Кавказ.

Конечно, берег теплого моря манит многих. Особенно тех, кто живет и трудится на севере диком. И если такой человек погреется неделю — другую на золотистом песочке, в том нет ничего плохого. Но как быть с этими людьми? Где им жить?

И тут мы подходим к вопросу об организации отдыха. Есть, оказывается, и такой бюрократический, но нужный в обиходе термин.

Я спросил у руководителя одного ведомства:

— Умеете ли вы отдыхать?

— Этот вопрос относится ко мне или к моим кадрам?

— И к вам и к кадрам.

— С кадрами все в порядке. Строим санаторий на Черноморском побережье. Ориентировочная стоимость — 25 миллионов рублей. На 133 койки. С люксами.

Примерно о том же нам пишет из Хосты председатель хостинской районной плановой комиссии Н. Лукьянов. Здесь двадцать второй год строится санаторий «Волна». Здравница на 325 коек уже поглотила 24,1 миллиона рублей,

но крыши пока что не имеет. Министерство здравоохранения РСФСР полагает, что лет этак через пяток у чудо-санатория крыша будет.

Пишет Н. Г. Стрелков из города Асбеста, Свердловской области. Он приехал в Кисловодск подлечиться, и его поместили в пансионат.

«Моя койка, — пишет Н. Г. Стрелков,— стоит под образами. Над головой на цепях висит тяжеленная лампада. Спишь, и тебе все время мерещится, что лампада падает на голову».

Для многих отдыхающих в Кисловодске пансионат — это угол на частной квартире.

Стратегия и тактика отдыха у нас меняются. Но меняются медленно. Яркий пример тому — слишком медленное развитие сети удобных и дешевых пансионатов, которые явились бы прекрасным дополнением к нашим замечательным санаториям-дворцам.

Теоретически не разрешен вопрос о доме отдыха. Что должен представлять из себя такой дом, чем там должны заниматься люди?

Читаем письмо В. В. Врублевского из дома отдыха «Прибой-2» в городе Кобулети. Неизвестно, как себя чувствовали отдыхающие «Прибоя-1», но в данной оздоровительной точке им было неуютно. «За двадцать четыре дня пребывания в доме отдыха, — пишет В. В. Врублевский, — у нас состоялось два концерта, одна лекция и пять экскурсий. Люди от скуки буквально лезли на стену».

Конечно же, людям, приезжающим в дом отдыха, надо предоставить возможность интересных занятий. Просто бездельничать — это еще не значит отдыхать.

Почему не подумать о домах отдыха — садах для любителей покопаться на грядках, о домах отдыха — студиях для увлекающихся рисованием и фотографией, о домах отдыха — рыбных и охотничьих базах? Любой затейник, даже такой, как Карандаш, не создаст веселой и бодрой атмосферы, если в доме отдыха не будет настоящих увлекательных занятий для каждого.

А туризм, походы, экскурсии? Вот куда должна стремиться молодежь!

Мне рассказали об одной девушке, знатной колхознице, которая отказала жениху, своему односельчанину, студенту одного из ленинградских вузов.

— Маня, почему же ты так Петра обидела? — спросили ее.

— А он по курортам ездит! Что у нас, в Каменке, нельзя отдохнуть?

И в самом деле, стыдно в девятнадцать лет заделываться курортным гостем!

Пусть поймут нас правильно. Мы не за аскетизм, но за отдых здоровый, увлекательный, интересный!

И пусть не обижается на меня моя маленькая дочка. Отправляясь в следующую прогулку, она не получит такого количества вар. и жар. предметов. Потому что лучший врачеватель человека — природа. А на природе и краюшка хлеба и ключевая вода кажутся настоящим лакомством. Особенно, если шагать не по обочине шоссе, а лесной тропой, и не четыре километра, а этак десять — пятнадцать!

Вот это да!

А. МИТЯЕВ

Рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Технолог Гайкин, длинноногий, жилистый парень, и бухгалтер Поплавочных, плотный мужчина, напоминающий костяшку счетов, лежат в копне соломы на пшеничном поле. Над бухгалтером и технологом летняя ночь: луна только что ушла за горизонт, и в небе видны неисчислимые скопища звезд. Ветерок чуть заметен. Кажется, что бежит он над землей только для того, чтобы донести к этой копне голоса деревенских девчат и далекий шум поезда.

— Ай, ай, какая ночь! — шепчет Поплавочных.— И звезды... Хватило бы и половины этих звезд, чтобы привести человека в восторг.

— Да, ночь что надо! — соглашается Гайкин.

Рыбаки долго молчат, очарованные великолепием природы, вдыхают запахи спелого хлеба, и только перед тем, как заснуть, Гайкин произносит куда-то во вселенную:

— А Ефимов не поехал с нами, вот глупец...

Гайкин и Поплавочных просыпаются разом. Ночь еще не кончилась, но утро уже началось. В холодном сумраке вырисовываются кучи соломы, оставленные комбайном. Над рекой стелется туман. Рыбаки берут спиннинги, вещевые мешки, натягивают поглубже фуражки и вприпрыжку бегут по жнивью на дорогу. Утренник излишне свеж, кончики носов у рыбаков становятся холодными, руки зябнут.

— Знаешь, мне приходилось вставать зимой в нетопленной комнате,— жалуется спутнику Гайкин.— Ощущение такое же, как сейчас.

Поплавочных не отвечает, он быстро бежит по дороге, сворачивает на луг и останавливается метрах в тридцати от берега.

— Что делать? — кричит он Гайкину.— Тут травища выше колен...

Гайкин подходит и проводит рукой по траве. Рука мокрая.

— Да, роса будь здоров! Сразу вымокнешь.

Но делать нечего, рыболовы входят в траву, как в воду. Мокрые брюки прилипают к телу, ощущение не из приятных.

— А Ефимов не поехал с нами, вот молодец! Спит себе в сухой комнате,— ворчит Гайкин, отстраняя от лица ольховую ветку, с которой срываются капли.

Часа два или больше рыболовы безуспешно хлещут спокойную воду; поклевок нет: то ли щука еще спит, то ли сыта. Но вот раздается ликующее: «Села!» Щука выпрыгивает из воды, трясет крокодильей пастью так, что блесна звенит о пластины жаберных крышек. Поплавочных умело маневрирует снастью, и через несколько минут злая рыбина оказывается в вещевом мешке. Приходит удача и к Гайкину.

— Тащу! — кричит он и с разгону выбрасывает на песок здоровенного окуня.

Рыбаки медленно идут по берегу. «Обстреливают» заводи, кусты осоки, коряги, прерывая это занятие тогда, когда надо снять с крючка добычу. Солнышко между тем поднимается выше, греет сильнее. Штаны рыбаков высохли, высохло и все вокруг. В сухой траве скрипят кузнечики, на дальних дорогах грузовики поднимают рыжие тучи пыли. Дойдя до заброшенной каменоломни, Гайкин и Поплавочных садятся закусить. Глыбы белого камня еще не успели нагреться, поэтому здесь прохладно. Поплавочных выкладывает на гладкий камень хлеб, яйца, помидоры. Гайкин тем временем приносит из родника котелок воды. Начинается роскошный завтрак.

— А Ефимов не поехал с нами, вот глупец! — смеется Гайкин, вонзая зубы в сочный помидор.— Теперь задыхается от жары в городе.

— Давай больше ловить не будем,— предлагает Поплавочных, когда завтрак окончен.— Куда нам столько рыбы! Жадничать не годится, лучше домой приедем засветло. Двинем напрямую через поле. Тут до шоссе километров пять.

Гайкин соглашается. Рыбаки выбираются из каменоломни и шагают по скошенному полю к проселку. Он должен быть там, где виднеются столбы телефонной линии. Но у столбов дороги не оказывается, под проводами лишь кочковатая межа, заросшая колючим бурьяном. Идти по меже трудно. Межа выводит Гайкина и Поплавочных на дорогу, но и здесь не лучше: пыль покрывает дорогу толстым слоем, и как только нога касается ее, всплывают легкие серенькие облачка. К шоссе технолог и бухгалтер приходят уставшие и разомлевшие.

Вдали появляется грузовик.

— Голосуй ты,— говорит Гайкин бухгалтеру.— У тебя вид солидней.

Поплавочных вскакивает, машет фуражкой, как потерпевший кораблекрушение при виде паруса, но грохочущий грузовик проносится мимо. Поплавочных голосует еще и еще — результат тот же. Потом они голосуют попеременно. Шоферы не хотят замечать их.

— Ровно три часа сидим на этой жарище! — ругается Гайкин.— И хоть бы один совесть поимел! А Ефимов не поехал с нами, вот молодец! Ему унижаться так, как нам, не приходится.

Когда рыбакам начинает казаться, что они вечно будут сидеть у этой дороги, появляется старенькая трехтонка. Шофер издали тормозит и мягко останавливает машину возле рыбаков.

— Такси подано, граждане! — кричит он.— Прошу побыстрее в кузов.

Бегут назад деревца, кусты, столбы. Ветер, сильный и прохладный, словно моет лица рыбаков. Поплавочных начинает петь «По диким степям Забайкалья», а Гайкин, вцепившись в борт, кричит ему:

— А Ефимов не поехал с нами, вот глупец!

Париж показывает моды...

На улицах Москвы появились афиши: «Дом мод Кристиана Диора будет демонстрировать коллекцию летних моделей в спортивном клубе «Крылья Советов».

Конечно, женщинами овладело искушение попасть в это святилище соблазнов! Ведь столетиями Париж диктовал половине рода человеческого длину юбок, ширину талии, количество воланов и застежек. А имя Кристиана Диора связано с целой «революцией» в области туалетов: это он вскоре после войны узкие и очень короткие платья заменил длинными и широкими. Женщины спешно наставляли старые юбки тесьмой и лентами, обновляли гардероб. А Кристиану Диору эти первые модели принесли всемирную славу и, разумеется, деньги. С тех пор художественное ателье на авеню Монтень в Париже стало признанным законодателем мод.

Естественно, что и москвички хотели познакомиться с туалетами знаменитой французской фирмы.

...На подмостках, залитых огнями прожекторов, плавно двигаются манекенщицы. Сидящие в зале смотрят на них очень внимательно: одни мысленно примеряют платья и накидывают на плечи меховые манто, другие стараются уловить и запомнить понравившийся фасон.

Преобладает так называемая «естественная линия». Широкие кожаные пояса охватывают талию, образуя на платьях мягкие складки. Вытачек нет. Повторяются ансамбли: открытые платья и короткий прямой жакет.

— Зачем платья из плотной шерсти так сильно открыты? Ведь это почти сарафан,— говорит одна из женщин, сидящих в зале.— Для нас, северян, это не особенно практично. А летом даже по вечерам будет жарко в таком платье.

— Платья коротковаты,— включается в беседу другая,— полных и низкорослых это вряд ли украсит.

— Ручная вышивка на шелковом тюле — это, конечно, очень красиво,— замечает третья,— но кто же может позволить себе такую дорогую вещь?

Мы разговариваем с представителем фирмы господином Анри Файолем.

— Многие наши модели,— говорит он,— рисовал сам основатель фирмы Кристиан Диор. Обычно он уезжал в тихую провинцию и, возвращаясь, привозил сотни новых моделей.

Однажды,— продолжает Файоль,— Диор уехал на юг Франции. В это же время г-н Сен-Лоран, теперешний руководитель фирмы, отправился на север. А когда они вернулись и показали свои рисунки, мы все поразились: многие оказались схожими.

— А ваши модельеры никогда не используют национальный характер одежды той или иной страны?

— Нет. Мода рождается только в Париже. Все истинно элегантные женщины одеваются только по нашим моделям,— сказал директор фирмы господин Жак Руэ.

Однако шляпы-клеш, которые демонстрируются в «летней коллекции дома Диор», напоминают вьетнамские шлемы, а некоторые вечерние платья — индийские сари.

— Жизнь наших моделей,— говорит г-н Файоль,— очень коротка — всего шесть месяцев.

Бесконечная смена моды очень разорительна для тех, кто слепо ей следует, и она прежде всего вызывается погоней за прибылями со стороны предпринимателей.

Как-то в одной газете появилось высказывание Диора, которое можно было понять как совет не носить никаких поясов и корсетов. Через несколько дней президент североамериканской промышленности эластичных поясов прислал Диору слезную телеграмму, в которой умолял поместить в газетах опровержение. Статья причинила заметный урон корсетчику: пояса перестали покупать...

Это тоже своего рода «жертвы» моды.

— Я посвятил целый день осмотру вашей фабрики «Трехгорная мануфактура»,— говорит г-н Файоль.— Я не имею возможности сравнивать, так как нахожусь в СССР первый раз. Но меня удивил высокий уровень производства. И вместе с тем хочется сделать одно замечание: качество тканей хорошее, но расцветка оставляет желать много лучшего.

— Я, наоборот, могу сравнивать,— замечает г-н Руэ.— За два последних года ваш Дом моделей, например, сделал большие успехи. Линии платья, которые я видел, модные и красивые. Меня удивило, что туалеты демонстрируют не только тонкие высокие девушки, но и полные.

— А разве в Париже нет полных женщин?

— Конечно, есть. Есть и среди наших заказчиц,— смеется господин Руэ.— Однако, когда платья демонстрируют стройные манекенщицы, модели намного выигрывают.

— Какие цвета сейчас считаются модными?

— Живые краски — красные, бирюзовые. Особенно сочетание синих оттенков,— отвечает г-н Файоль.

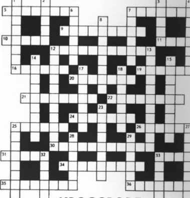
— Ваши женщины,— говорит г-н Руэ,— следят за своей внешностью. Однако у них бывают, наверное, затруднения. В ваших магазинах не продаются ансамбли для платьев: туфли, сумки, перчатки, украшения. И потом мне кажется, что искусственные материи — а их носят у вас многие — не так красивы.

Это мнение, видимо, не совсем объективно, так как Дом Кристиана Диора шьет платья, пальто и шубы только из натуральных материалов...

...Показ моделей подходит к концу. Сменяются пышные вечерние туалеты, затканные золотом и серебром, искусственными бриллиантами и изумрудами, отделанные виртуозной вышивкой и кружевами. Девушки за кулисами снимают меха и тюль, драгоценности, цветы и золотые туфли и надевают скромные платья, те самые, в которых обычно ходит большинство женщин Парижа.

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Е. Умнова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 7. Морская промысловая рыба. 9. Первый историк Отечественной войны 1812 года. 10. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 11. Создатель произведения, изобретения. 12. Художник-передвижник. 16. Трап. 19. Военный конвой. 20. Изделие, полученное путем литья. 21. Первообраз. 22. Разновидность кварца. 24. Трикотажная фуфайка. 25. Горы на границе Чехословакии и Польши. 26. Спортивное судно. 30. Накопление энергии. 31. Буря на море. 33. Сцена в цирке. 34. Порт на Волге. 35. Река, впадающая в Мексиканский залив. 36. Группа произведений, объединенных единым замыслом.

По вертикали:

1. Декоративный кустарник. 2. Семена хлебных злаков. 3. Название журнала. 4. Огнестрельное оружие. 6. Дрофа-красотка. 7. Знак препинания. 8. Ирригация. 12. Сборник индийских басен, сказок, притч, сложившихся в первые века нашей эры. 13. Советская писательница. 14. Гриб. 15. Прибор для измерения углов. 17. Второстепенный член предложения. 18. Проверка знаний учащихся. 23. Роман Жорж Санд. 25. Сигнальное устройство. 27. Вид литературной критики. 28. Музыкальная пьеса. 29. Хищное млекопитающее. 32. Поэма М. Ю. Лермонтова. 33. Хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

5. Трансформатор. 8. Креветка. 9. Карамель. 10. Анива. 12. Число. 14. Тайга. 18. «Айвенго». 19. Глагол. 20. Лаплас. 21. Аксиома. 22. Наряд. 24. Скала. 27. Самос. 28. Лигатура. 29. Джакарта. 30. Беллетристика.

По вертикали:

1. Зарема. 2. Афгани. 3. «Оракул». 4. Атлант. 6. Трансильвания. 7. Благодарность. 11. Венгрия. 13. Снегина. 15. Альпака. 16. Галан. 17. Волан. 23. Деталь. 25. Кварта. 26. Ледник. 27. Секция.

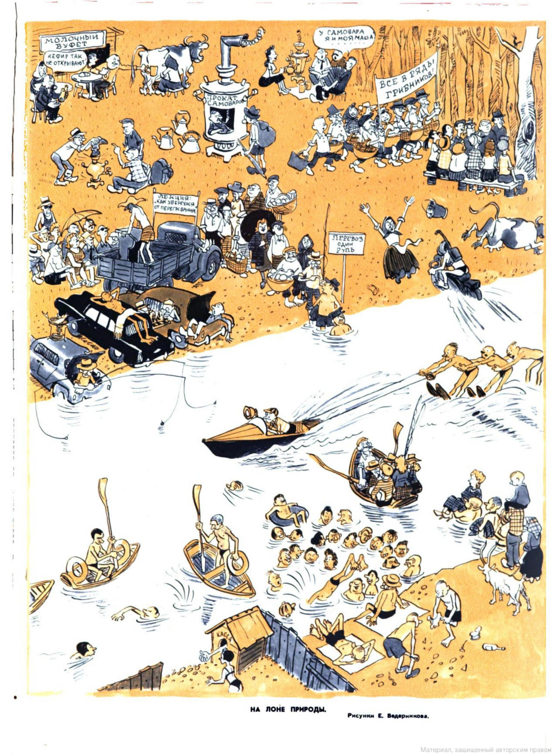
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Мих. Милославского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04079. Подписано к печати 17/VI 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1003. Заказ № 1262

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ. Рисунки Е. Ведерникова.

Цена номера